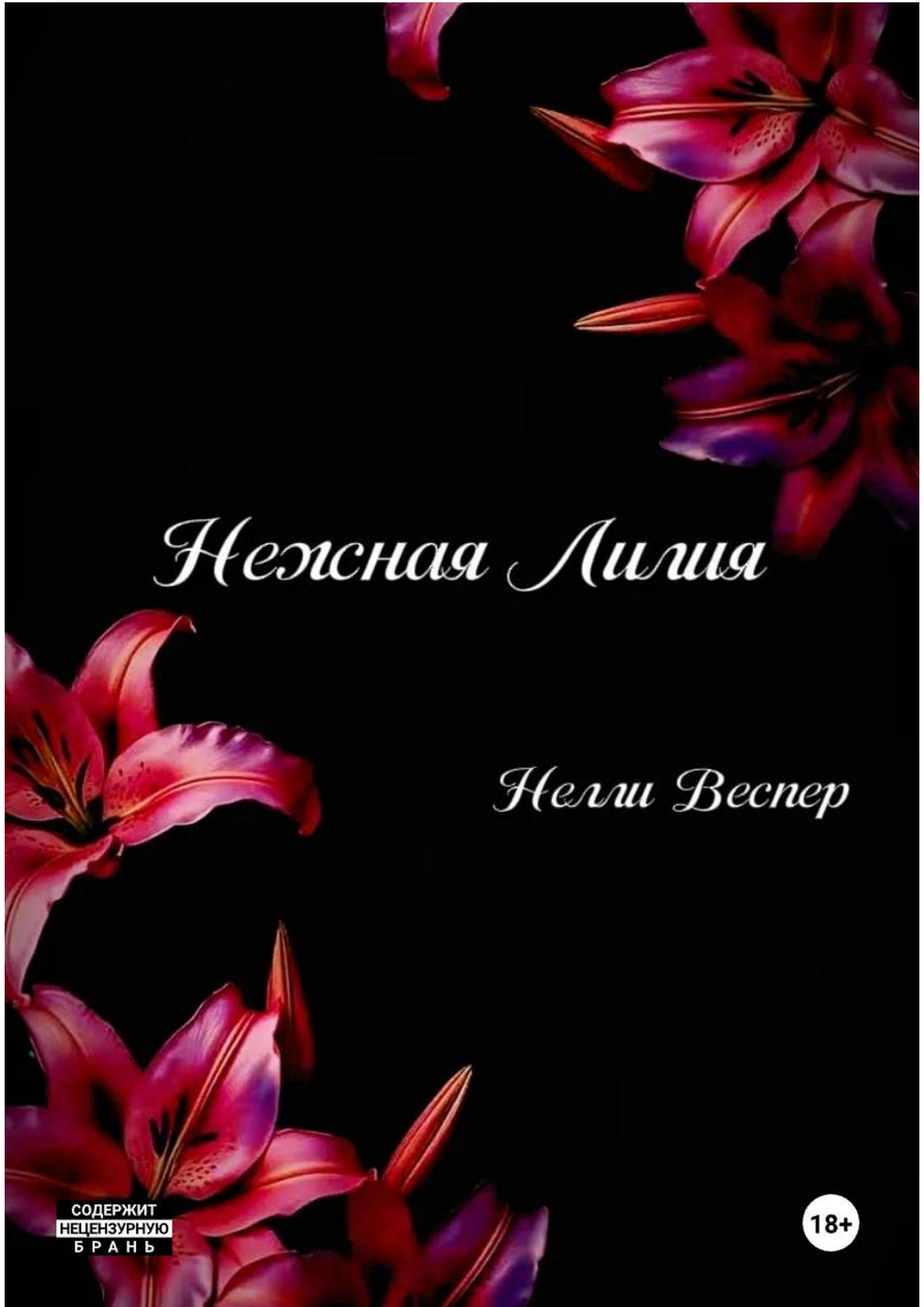

The background of the entire cover is black, with several pink lilies in various stages of bloom. Some are in sharp focus, showing the delicate structure of the petals and the dark spots on the inner petals. Others are blurred, creating a sense of depth. The lilies are positioned in the corners and along the sides, framing the central text.

Нежная Лилия

Нелли Веснер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нелли Веспер
Нежная Лилия

«Автор»

2026

Веспер Н.

Нежная Лилия / Н. Веспер — «Автор», 2026

Диана Смирнова привыкла жить так, будто прошлое однажды обязательно её найдёт. После переезда из России в Лондон она старалась начать всё сначала: учёба, тихая квартира, две близкие подруги и надежда на обычное будущее. Но за спокойной жизнью её семьи скрывались долги, чужие тайны и опасные связи, о которых Диана ничего не знала. Когда прошлое возвращается, её мир рушится за одну ночь. Её единственным спасением оказывается Эйдан Адамс — наследник могущественного Синдиката, человек, которого называют Волком. Диана должна решить, кем станет рядом с мужчиной, которого любит: пленницей его мира, его слабостью или равной ему силой. Потому что среди волков даже самый нежный цветок может научиться защищать себя. Но сможет ли он сохранить нежность, когда на его лепестках останется кровь?

© Веспер Н., 2026

© Автор, 2026

Нелли Веспер

Нежная Лилия

«НЕЖНАЯ ЛИЛИЯ»

Ю. А. ПОЛЬСКИХ

НЕЛЛИ ВЕСПЕР / NELLI VESPER

ПЛЕЙЛИСТ

- *Shape Of My Heart (OST Leon) // Sting*
- *Still loving you // Scorpions*
- *Daddy Issues // The Neighbourhood*
- *The Beach // The Neighbourhood*
- *Afraid // The Neighbourhood*
- *Sweater Weather // The Neighbourhood*
- *Reflections // The Neighbourhood*
- *Softcore // The Neighbourhood*
- *Whole Lotta Swag. Обнял, поцеловал remix Tuesday (Radio edit) // XEHTIK*
- *Get A Way 1994 // Maxx*
- *On The Dance // DAYVONE1*
- *Meet Her At The Love Parade (Slowed) // Vieze Asbak*
- *MONTAGEM ELDER (SUPER SLOWED) // Dj Samir, Nulteex*
- *Drugs // Sonic Mine*
- *Полковнику никто не пишет // Би-2*
- *Хочу перемен // Кино*
- *Как на войне // Агата Кристи*
- *Искала // Земфира*

Лилия (шёпотом, в лесу): «Эти цветы пахнут смертью. Как они здесь выросли, среди всего этого насилия?»

Волк (глядя на лилию): «Красота — это щит. Но только до первого клыка».

Лилия (про себя): «Лилии не для войны. Но, возможно, именно война научит меня, кто я на самом деле».

— Ты говорил, что любишь меня...

— Я готов убить всех, кто пойдёт против тебя, моё солнце...

ПРОЛОГ

9 лет назад

Тихое утро в маленьком городке на востоке России пробивалось сквозь шторы золотистыми лучами. Солнце вставало так же спокойно и безразлично, как давила вокруг липкая, тяжёлая тишина.

Я лежала на кровати в своей детской комнатке, затаив дыхание и притворяясь, что всё ещё сплю. Ведь сегодня был особенный день — мой день рождения. Мне исполнилось десять лет. Родители давным-давно обещали, что на юбилей подарят мне набор новых цветных карандашей и большую книжку со сказками. Замирая от предвкушения и представляя, как стану раз-

рывать яркую подарочную бумагу, я перевернулась на другой бок. В воздухе привычно витал тонкий шлейф маминых любимых духов, создавая уютную и родную атмосферу. Ничего в этом утреннем спокойствии не предвещало того, во что превратится мой праздник всего через пару минут.

Желание узнать, приготовили ли мне сюрприз, пересилило. Я тихо встала с кровати и босиком выскочила в коридор. Но вместо праздничной атмосферы меня встретил хаос. Родители торопливо и нервно собирали вещи в гостиной. Мама судорожно доставала из шкафа новенький чемодан, купленный в прошлом месяце, а папа стоял на балконе, прижав телефон к уху. Его голос переходил от сдавленного шёпота к отчаянному, глухому рычанию. Тогда я подумала, что у него просто опять неприятности на работе... но это была лишь наивная детская догадка.

Сделав шаг вперёд, я тихо подошла к матери и снизу-вверх посмотрела на неё. В моих голубых глазах читалось только полное непонимание и слепая детская вера. Мама вздрогнула от моего прикосновения. Натянув на бледное лицо усталую улыбку, она прошептала:

— С добрым утром, *солнышко*. Я сейчас немного занята. Твой завтрак на столе...

Она помедлила, тревожно оглянувшись на закрытую дверь балкона, за которой всё так же глухо ругался отец, и едва слышно добавила:

— Сегодня мы уезжаем, доченька...

Закончить мысль мама не успела. Дверь балкона с грохотом отворилась, и на пороге появился отец. Заметив его хмурый, почерневший взгляд, мама тут же осеклась, избегая дальнейших объяснений, и снова стала судорожно запихивать в чемодан какую-то кофту.

Гнетущее напряжение, давившее со всех сторон, пугало. Стараясь не поддаваться страху, я поправила свой розовый сарафан, сшитый пару лет назад бабушкой, и направилась на кухню. Вернувшись мыслями к фантазиям о дне рождения, я забралась на высокий деревянный стул, который отец совсем недавно пересобирал и чинил своими руками. На столе меня ждала скромная тарелка с кашей и стакан сока. Я принялась медленно есть, прислушиваясь к шорохам в гостиной.

Вскоре на кухню вошёл папа — из-за долгого, взвинченного разговора по телефону у него совсем пересохло в горле. Жадно выпив стакан воды, он подошёл ко мне и тёплой, слегка дрожащей ладонью взъерошил мои волнистые русые волосы. Я фыркнула, шутливо прикрыв глаза, и тихо рассмеялась, ещё не зная, что этот день станет последним спокойным днём в моей жизни. А подарков я так и не увижу...

«В этом мире честь — это то, что крадут первым. А я не крала ничего, только безмерно верила в светлое будущее»

ГЛАВА 1

Наше время

Городок, из которого родители сбежали, остался в моей памяти выцветшей на солнце фотографией. Пронзительный, до костей пробирающий ледяной ветер, бесконечный серый бетон панелек и тишина, от которой закладывало уши. Там, среди промзон и занесённых снегом дворов, законы писались не в судах, а в тёмных салонах тонированных машин. Это было место, где долги не прощались, а передавались по наследству.

Воспоминания о родине всегда имели вкус застывшего на губах выхлопного дыма и ледяной крошки. Серые, как надгробия, девятиэтажки стояли впритычку друг к другу, образуя замкнутый бетонный колодец. Во дворе, на ржавой детской площадке, выла вьюга, раскачивая одинокие качели. А в подъезде — темном, с облупившейся зелёной краской и постоянным запахом сырого подвала — тускло мигала единственная лампочка. Именно на этой лестничной

клетке мой отец когда-то стоял на коленях перед людьми в кожаных куртках. Это место учило не мечтать. Оно учило сжиматься в комок и не дышать.

Русская зима в моей памяти не была сказочной. Это был агрессивный, злой мороз под минус тридцать, от которого трескалась кожа на губах, а воздух обжигал лёгкие, словно толченое стекло. Замёрзшие узоры на оконных стёклах казались не рисунками Деда Мороза, а морозной паутиной, затягивающей мою семью в капкан. Именно из этого ледяного ада они бежали, думая, что океан и британская виза смогут растопить их прошлое.

Я думала, что оставила этот холод на другом конце континента, но не знала, что перевезла его в своей крови прямо в сердце Лондона.

Лондон встречал не теплом, а тяжелым, свинцовым небом, будто давившим на крыши старинных особняков. Здесь даже дождь казался стерильным и дорогим — он стекал по стеклам пентхаусов богатых жителей, превращая город за окном в размытое серое пятно. Для остальных Лондон был столицей туманов и Big Ben. Для меня же это была гигантская шахматная доска, где каждая улочка, каждый закрытый клуб в Мэйфэйр и каждый тёмный док на Темзе дышали именами крупного мафиозного клана. Город грехов, одетый в идеальный итоговый костюм-тройку, скрывающий холод и бесчеловечность под красивыми видами парков.

Мыслями я снова ушла в прошлое, отчаянно цепляясь за радостные воспоминания, будто они могли перекрыть боль от всех произошедших событий. Дома меня любили всей душой. Родители часто ездили в гости к бабушке в деревню, а родственники старались поддерживать с нами тёплые, искренние отношения.

Мне до сих пор была не ясна истинная причина нашего скоропалительного переезда из России в Великобританию. Наверное, для этого существовал веский, страшный аргумент, о котором мне никто так и не рассказал. Стараясь отвлечься от сковывающей тревоги, я стала рассматривать витрины маленьких магазинчиков, тянувшихся по обе стороны узкой лондонской улочки: уютная цветочная лавка, пахнущая сырой землёй и срезанными розами, старинный антиквариат за пыльным стеклом, кофейня, пекарня с ароматом свежей выпечки и аптека. Каждый день я ходила по одному и тому же маршруту, ведь университет и библиотека находились совсем рядом. Мне искренне хотелось взглянуть на частные богатые особняки, прогуляться по ухоженным паркам или просто поглазеть на стеклянные высотки в центре Лондона, но ни свободного времени, ни лишних денег у меня не было.

Когда я повернула за угол, чтобы добраться до нужного здания, спиной вдруг почувствовала чужой пристальный взгляд. Волосы на затылке встали дыбом, а сердце пропустило удар, предвещая опасность. Осторожно обернувшись, я встретила взглядом с молодым мужчиной. На вид ему было не больше двадцати четырех лет: безупречно скроенный синий деловой костюм, белоснежная рубашка и дорогие швейцарские часы на левом запястье. Манжеты его пиджака слегка прикрывали края тёмных татуировок, смысл которых я не понимала, но на его правой руке чётко угадывался оскал волка. У незнакомца были светло-каштановые волосы и карие глаза с острым, хищным разрезом. На губах играла лёгкая, едва уловимая улыбка.

Он шёл уверенно и вальяжно, всем видом показывая, что случайная прохожая вроде меня для него просто декорация. Мне казалось, будто парень совершенно мной не интересовался. Поддавшись этой иллюзии, я расслабилась и, быстро дойдя до массивных дверей библиотеки, даже не стала оборачиваться, чтобы перепроверить обстановку. *А зря.*

ГЛАВА 2

В последующие дни я перестала ощущать чужое присутствие за спиной. Меня полностью поглотила учёба и мысли о семье. Наша лондонская квартира пахла сыростью и дешевым растворимым кофе. Отец возвращался с автомастерской поздно ночью — его руки навечно въелись мазутом, а в глазах застыла смертельная усталость. Он больше не смеялся, как раньше.

Всякий раз, когда на улице громко сигналила машина, папа вздрагивал и подходил к окну, осторожно отгибая край шторы. Он всё ещё чего-то ждал. И этот его страх неосознанно передавался моей матери, но я старалась жить оптимистично, веря в спокойную жизнь.

В этом году мне исполнилось девятнадцать. Поступив на инженерное дело, я первым делом отблагодарила отца — на свою первую небольшую стипендию купила ему новый набор инструментов, о котором он давно мечтал. Потому что именно он в моем детстве рассказывал мне о том, как чинит различные механизмы и составляет схемы домов, вдохновив меня стать инженером.

Сейчас же, шагая по гулким коридорам университета, я вспомнила дни из моей прошлой жизни в России и слабо улыбнулась. Поправив голубую футболку и любимые джинсы, я набралась смелости и вошла в шумную аудиторию, мгновенно погружаясь в атмосферу суеты нового учебного дня.

За дальним столом у окна меня уже ждали подруги — Хлоя и София. В отличие от меня, сдержанной и вечно витающей в облаках, они были эпицентром университетской жизни.

— Диа! Наконец-то! — Хлоя, яркая шатенка с вечной чашкой латте в руках, помахала мне. — Мы уже думали, ты опять застряла в своей любимой библиотеке среди пыльных фолиантов.

— Зато у неё конспекты будут идеальными, в отличие от твоих, Хло, — усмехнулась София, отрываясь от своего планшета, чтобы посмотреть на меня своими глубокими зелеными глазами. Сдержанная, с острой хваткой, она всегда замечала всё первой. — К тому же наша Диана сегодня выглядит слишком загадочно. Ну-ка колись, что за улыбка?

Я опустила на деревянную скамью рядом с ними, чувствуя, как от их болтовни и тепла постепенно отступает привычная тревога.

— Да ничего особенного, просто... вспомнила дом, — мягко ответила я, вытаскивая тетради. — И немного отца. Купила ему те самые инструменты.

— Ты слишком святая для этого мира, Ди, — вздохнула Хлоя, прикладываясь к трубочке. — Ладно, раз уж мы здесь: ты слышала сплетни? К нам на факультет со следующей недели переводится какой-то парень. Говорят, из невероятно богатой семьи, перевёлся из частного колледжа. Девочки из деканата уже готовят плакаты с признаниями.

— Надеюсь, он хотя бы знает, чем отличается сопромат от сопроматики, — фыркнула София, когда Хлоя начала смеяться во весь голос от своих же слов. — А то опять придётся Диане тянуть всю группу.

— Да что уж тут говорить, лондонские мажоры совсем не умеют себя вести, — хитро улыбаясь поддержала разговор Хлоя. — Я вот месяц назад познакомилась с одним милым парнем, так он кинул меня при первой же возможности, сказав, что ему наскучило общаться со мной...

— Выкинь его из головы! — воскликнула Софи, захлопнув чехол-книжку планшета. — Ты и лучше найдешь. Сама ведь знаешь, что таких умных и красивых девушек всегда в обществе любят.

— Знаю-знаю, успокойся, — прикрыв рот, чтобы сдержать смех, ответила шатенка. — А вы уже слышали слухи про семью Адамс? Их фамилия пестрит в списках благотворителей университета, но мой дядя из юридического говорит, что они держат половину недвижимости в Сити. Ходит мнение, что они мафиози, да и парнишка там красивый есть. Поговаривают, он тот ещё дьявол... — подмигнув, посмотрела на меня. — Может даже за тобой, Диа, начнёт ухаживать.

Я лишь тихо рассмеялась, качая головой:

— Дьяволы не ходят на лекции по термеху, Хло. Успокойся.

София одобрительно закивала, поддерживая моё мнение. В аудиторию зашёл учитель математики, строго осмотрев студентов. Из-за чего нам с девочками пришлось прервать раз-

говор. В тот момент я даже представить не могла, насколько близко эти сплетни окажутся к моей реальности.

Чуть позже, когда пары закончились, я шла по пустой улочке, вдыхая прохладный лондонский воздух до предела, чтобы освежиться. Меня вновь окружали старинные магазинчики и бутики. На улице стояла непривычная, звонкая тишина, что сильно меня удивило — обычно по вечерам здесь бегала ребятня, громко крича друг другу что-то на английском. Но сейчас город будто замер.

Из-за угла со стороны библиотеки вдруг вышел незнакомец. Я узнала его мгновенно — это был тот самый мужчина, которого я видела на прошлой неделе. Он уверенно подошёл ко мне с той же самой улыбкой — дерзкой, но одновременно сдержанной и холодной. Она идеально подходила под его карие глаза с острым разрезом.

— Здравствуйте, мисс. Извините, что тревожу вас в такой час, особенно после занятий, — спокойным, бархатистым и невероятно глубоким голосом произнёс молодой человек.

Вблизи он казался ещё выше — не меньше 188 сантиметров, и его крепкие плечи полностью перекрывали мне свет вечерних фонарей.

— Я новенький в этом городе, — продолжил он, чуть нагнув голову. — На днях перевожусь в ваш университет. Меня зовут Эйдан.

Протянув мне руку для рукопожатия, Эйдан замер, ожидая моей реакции. В моей же голове в этот момент творился абсолютный хаос. Я не могла не отметить про себя, насколько он, чертовски красив в этом тёмно-синем костюме, так подчёркивающем его светло-каштановые волосы. Но, разумеется, промолчала, выстроив привычную внутреннюю броню. Удивлённо посмотрев на него, я пожала его крепкую, тёплую ладонь. Его правая рука была произведением искусства и одновременно предупреждением. От самого запястья и уходя глубоко под рукав белоснежной рубашки тянулась татуировка — свирепый, рычащий оскал волка, вплетённый в готические кельтские узоры. Чернила казались объёмными на его крепком, рельефном предплечье.

— Диана... Рада знакомству, — я на секунду замялась, стараясь переварить информацию. — Получается, скоро я увижу тебя в своём институте? Похвально. Надеюсь, новый коллектив примет тебя хорошо.

Улыбнувшись, я отпустила его руку, стараясь изо всех сил не пялиться на него слишком откровенно. Эйдан же в свою очередь смотрел прямо мне в лицо — изучающе, цепко, будто оценивая каждую черту и сканируя каждую мелочь. На секунду мне показалось, что он видит меня насквозь. Кивнув своим мыслям, он мягче улыбнулся и засунул руки в карманы своих дорогих брюк, не сводя с меня внимательного карего взгляда.

— О, поверь, Диана... — тихо, с едва уловимым опасным подтекстом произнёс он, нежно растягивая моё имя как сладкий мёд. — Я более чем уверен, что *мы* отлично сработаемся.

ГЛАВА 3

В квартире Эйдана не было уюта — только стерильная, удушающая роскошь. Чёрный полированный мрамор полов, отражавший редкие вспышки молний за окном, мебель из тёмного дуба и холодный металл. Вся гостиная представляла собой стеклянный куб на сороковом этаже, висящий над затянутым туманом городом. За окном внизу мчались крошечные красные огни машин, а внутри царил запах дорогого замшевого переплёта, тёмного дерева и горьковатого дубового виски. Здесь, среди хайтека и арта, на огромном мониторе в темноте мерцали сетки камер наблюдения со всех его объектов. Это было не жильё, это была наблюдательная вышка над его личным королевством.

Сидя за рабочим столом и вдыхая крепкий дым сигареты, Эйдан перебирал старые документы о своих должниках. Вычеркнув итальянскую семью из списка расстрельных, парень затушил окурок о пепельницу, одновременно накидывая на плечи черный пиджак. Ему было необходимо навестить в одно место для переговоров со своим отцом.

Выйдя размеренным шагом из дома он на парковку, звук тихих шагов тупель по мраморным плитам холла разносился эхом. Подойдя почти вплотную к взрослому мужчине, представил охраннику свою золотую карточку: Эйдан Адамс, наследник престола. Удостоверение ярко поблёскивало в свете блёклых фонарей вместе с наручными дорогими часами на левой руке и серебряной цепочкой на шее, еще раз напоминая, чья фамилия заставляет дрожать от страха улочки этого города. Кивнув, охранник без промедлений пропустил молодого покровителя. На улице было слишком холодно и пасмурно, дождь не щадил никого в этот непримечательный осенний день. Запах дождевой воды смешивался с парфюмом, нотки табака, кобуры и чего-то еще, мужского, величественного и холодного, заставляли прохожих замереть на мгновение, а после ускорить свой шаг от внутреннего страха.

Дойдя по влажному черному асфальту до черной машины, Адамс сел в свой Rolls-Royce. Ухватившись правой рукой с татуировкой волка за кожаный руль, Эйдан взжал педаль газа в пол, с визгом шин выводя «ласточку» на оживленную трассу.

Клуб "Archangel" спрятался за тяжёлой дубовой дверью без вывески в одном из глухих переулков Мэйфэйр. Внутри воздух был плотным и тяжелым, пропитанным ароматами селективного парфюма, кубинских сигар "Cohiba" и старого бархата. В бордовом полумраке тихо играл джаз, заглушая тихий звон хрустальных бокалов, за которыми заключались сделки на десятки миллионов фунтов. Женщины здесь носили бриллианты, не скрывая большого выреза платья на груди, а мужчины в идеально скроенных смокингах — пистолеты под левым отворотом пиджака. Эйдан любил сидеть в дальнем ложе на втором ярусе, откуда весь этот аристократический гадюшник был виден как на ладони.

Через некоторое время в сопровождении двух высоких мужчин из личной охраны к столу подошёл Адамс старший — Винсент. Он был одет в дорогой зеленый костюм, на костяшках пальцев виднелись большие перстни, прикрывающие старые мозоли. Поправив левой рукой свои темные как смоль волосы, Винсент сел за столик напротив своего сына. Сложив руки в замок, лишь одним тяжелым взглядом приказал охране оставить его в покое. Когда двое амбалов ушли в сторону, Эйдан устало выдохнул и протянул стакан виски отцу, холодно спрашивая:

— Как там мать? Зачем ты вызвал меня?

Пожилый мужчина только усмехнулся, забирая виски из рук как должную дань в знак его силы. Сделав глоток крепкого напитка, Винсент наконец-то поднял взгляд на своего сына.

— Никакого уважения к своему отцу, — покачал головой, хищно улыбаясь. — Моя жена в полном порядке, сейчас она отдыхает в нашем пентхаусе у моря. А вот тебя я вызвал для того, чтобы обсудить пару поставок в нашем порту. Больно долго держат товар на границе.

— Я понял тебя. — коротко ответил Эйдан, одновременно с этим поправляя инстинктивно манжеты своего пиджака, даже не пытаясь скрыть того факта, что его не интересовали проблемы отца. — Разберусь с этим на днях.

Эйдана злило, что его собственный отец заботится только о своих деньгах и шкуре, позабыв о человечности и семейной жизни, но он не мог перечить ему — слишком дорогая была бы расплата за острый язык.

ГЛАВА 4

Мне вновь снился один и тот же кошмар, который не покидает меня с самого нашего переезда в Лондон.

«...Маленькая я приоткрыла занавеску и взглянула во двор. Воробушки купались в пыльной луже у подъезда, а прямо на газоне стояла тёмная машина с глухо тонированными стёклами. Из её выхлопной трубы вырывался сизый дымок. Я видела, как отец на балконе судорожно сжал кулаки, смотря прямо на этот автомобиль. "Они дают нам два часа, Аня! Двое суток — и они вырежут весь наш дом!" — донёсся с балкона его сорванный, хриплый шёпот. Я не поняла слова "вырежут". Мне казалось, речь идёт про какую-то бумагу или работу...»

Я резко проснулась от звука будильника, ощущая холодный пот на своём лбу. Мои руки тряслись, а глаза лихорадочно искали по комнате подтверждение того, что моя семья находится в безопасности. Увидев белый потрескавшийся потолок и бежевые обои, тяжело выдохнула, откидываясь на подушки. Я понимала, что мне уже нужно было вставать, умываться и идти в университет.

Понедельник начался с проливного дождя. Свинцовое лондонское небо казалось настолько низким, что, казалось, цеплялось за острые шпили университетского корпуса. Вода стекала по высоким стрельчатым окнам аудитории, превращая город за стеклом в размытое серое пятно.

Я сидела за своей привычной партой на третьем ряду, отхлёбывая остывший чай из термоса и перелистывая тяжелый учебник по сопромату. Рядом Хлоя оживлённо рассказывала Софии о каком-то новом закрытом клубе в Мэйфэйр, но я лишь гулом слышала её голос. Мои мысли всё ещё возвращались к субботнему вечеру. К бархатному голосу, запаху дорогого парфюма и карим глазам, смотрящим на меня с такой странной, почти голодной цепкостью.

«Эйдан...» — само это имя ощущалось на языке чем-то опасным и чужим.

Внезапно шум в лекционном зале резко утих. словно кто-то выкрутил регулятор громкости на минимум. Перешёптывания девчонок с первых рядов оборвались, и в воздухе повисла звенящая, электрическая тишина.

Я подняла голову. В открытых дверях аудитории стоял *он*.

В отличие от большинства студентов, одетых в растянутые худи и простые джинсы, Эйдан выглядел так, будто сошёл с обложки глянца о жизни миллиардеров. Чёрный строгий костюм-тройка идеально подчёркивал его широкие плечи и высокий рост. Белоснежная рубашка была слегка расстёгнута у горла, открывая крепкую шею, а светло-каштановые волосы казались чуть влажными от лондонской мороси. Он не торопясь окинул аудиторию тяжелым, сканирующим взглядом. Его карие глаза скользнули по замершим студентам, не задерживаясь ни на ком. Хлоя рядом со мной едва не подавилась своим латте, а София лишь сощурила свои глубокие зелёные глаза, мгновенно считывая опасную ауру новичка.

И тут его взгляд наткнулся на меня. На секунду мне показалось, что время остановилось. В его глазах вспыхнул знакомый, дерзкий огонёк. На губах Эйдана промелькнула едва заметная, хищная улыбка, предназначенная только мне. Не произнеся ни слова, он прошёл вглубь зала. Каблуки его дорогих туфель отбивали ровный, отчеканенный ритм по старинному паркету. Студенты инстинктивно поджимали ноги и отводили взгляды. Эйдан поднимался по ступеням всё выше, пока не остановился прямо за моей спиной.

Со сдержанной грацией он выдвинул деревянный стул за соседним столом и сел. Я почувствовала, как по коже пробежал табун ледяных мурашек. От него веяло холодом улицы, свежестью дождя, дорогим табаком и концентрированной властью. Простая голубая футболка на мне вдруг показалась слишком тонкой, а дыхание сперло в груди.

— Доброе утро, мисс *Диана*, — прозвучал прямо над моим ухом его низкий, бархатистый шёпот.

От этого звука карандаш в моих пальцах чуть не переломился пополам. Я медленно повернула голову. Эйдан сидел, чуть наклонившись вперёд, подперев подбородок рукой. Манжет его пиджака сдвинулся, открывая край тёмной татуировки с оскалом волка на крепком запястье.

— Здравствуй, Эйдан, — постаралась ответить я как можно более спокойно, хотя сердце в груди колотилось как сумасшедшее. — Не думала, что ты окажешься именно на нашем факультете.

— Я люблю точные науки, — его губы тронула легкая наглая усмешка. — К тому же мне сказали, что на этом курсе учиться лучшая студентка потока. Надеюсь, ты не против, если я буду иногда заглядывать в твои конспекты?

Хлоя на соседнем сиденье тихо ойкнула, а София перевела пристальный взгляд с Эйдана на меня, сжимая в руках планшет. Вся аудитория буквально спиной ощущала то невероятное напряжение, которое возникло между нами за пару секунд.

— Мои конспекты нужно заслужить, Адамс, — тихо, но твёрдо ответила я, возводя привычную каменную стену.

Эйдан тихо рассмеялся — глубоким, грудным смехом, от которого у меня внутри всё перевернулось.

— О, поверь, милая... я умею добиваться своего.

Тихо фыркнув от такого наглого ответа, я повернулась к своему учебнику, тем самым поставив точку в разговоре. По-прежнему ощущая лёгкое напряжение, исходящее от него, крутила карандаш в правой руке, чтобы хотя бы как-то занять свой мозг.

Остаток дня прошёл также быстро, как и предыдущая неделя, но не было самого главного — сладкого спокойствия, теперь на его место пришла душевная суматоха в сочетании с шепотом студентов по углам коридоров университета.

Идя по улице, спиной я ощущала чьё-то присутствие. Первой же мыслью стало: *«За мной следят.»* Резко обернувшись и никого не заметив, прибавила шаг. Дыхание ускорилося и стало рваным, дополняя громкий стук моего сердца о рёбра.

Добежав до квартиры, я захлопнула за собой дверь. Когда я закрылась на все возможные замки, то прошла в свою комнату и закрыла лицо руками, сползая на пол по стене. К горлу подходила едкая тошнота, ноги тряслись, а голова отказывалась правильно мыслить. Хриплый шёпот сорвался с моих губ:

— Боже мой...

Со стороны кухни послышались мерные шаги моей матери Анны. *«Черт...я забыла, что мама дома»* — пронесли хаотичные мысли у меня в голове. Я медленно встала с пола, вытирая слёзы руками, чтобы не выглядеть слишком жалкой. В ту же секунду послышался спокойный стук в дверь моей комнаты.

— Диана, всё хорошо? — спросила нежным голосом Анна, беспокоясь обо мне. — Что-то случилось?

— Ничего, мам... — Хрипло ответила я, собирая в себе все силы, чтобы снова не заплакать. — Просто устала от учебы. — на отрез отчеканила привычную мне фразу, которую по ощущениям за эти несколько лет выучила наизусть. — Не переживай. Всё хорошо, правда...

Я лгала собственной матери. Закрытая дверь давала мне возможность сделать видимость спокойствия для неё — это единственное, что я могла сохранить ради семьи, зная, как тяжело приходится родителям.

Помолчав, Анна вздохнула:

— Я приготовила твоё любимое печенье. — отойдя от двери и прикрыв свои ясно-голубые глаза, договорила уже тише. — Приходи на кухню, попьем чай вместе...

Ещё немного постояв возле моей комнаты, мама ушла на кухню. Я выдохнула, мои плечи расслабились, упав вниз. Приведя себя в порядок, смотрела на своё отражение в настенном

зеркале: поникший вид, бледное лицо, обеспокоенный взгляд. Горько усмехнувшись, я натянула лёгкую улыбку и пошла на кухню.

Ароматный запах свежего печенья окутал меня сразу, как только я вошла на кухню. Мама любяще улыбнулась, наливая чай в кружку с рисунком котёнка.

— Солнышко, — протянув горячий напиток мне, ласково сказала она. Её голос звучал так тепло, будто даже воздух в комнате стал мягче. — Я специально для тебя пекла. — Мамуля чуть нахмурилась, словно хотела уберечь меня от любой беды: — Осторожно, горячо!

Тихо рассмеявшись от строгого вида Анны, я смирилась с этим забавным моментом, который грел мою беспокойную душу:

— Хорошо, мамочка.

На что она довольно улыбнулась, сжав моё плечо. Я лишь коротко кинула взгляд в окно, чувствуя лёгкое, почти детское счастье — от того, что можно просто быть дома и никуда не спешить.

ГЛАВА 5

Ночной Лондон за окнами пентхауса тонул в густом, сизом тумане. Дождь барабанил по бронированному стеклу сорокового этажа, но внутри царила мёртвая тишина. Эйдан сидел в кожаном кресле за дубовым столом, прокручивая в пальцах тяжёлый хрустальный стакан с виски. Лёд с тихим звоном ударялся о стенки.

На полированной поверхности стола лежала папка из тёмно-синей кожи с тиснёным гербом его клана. Подарок отца из клуба "Archangel".

«Дело русской мафиозной группировки, — звучал в голове сухой, беспощадный голос Винсента. — Девять лет назад они кинули нас на крупные деньги и сбежали в Англию. Найди их. Закрой долг крови. Убей всех, кто имеет отношение к этой фамилии».

Эйдан сделал затяжку сигареты, чувствуя, как горьковатый дым обжигает лёгкие. Для него это было обычное задание. Очередная рутинная зачистка, которую парень выполнял без лишних эмоций, как чистый математический расчёт.

Выпустив сизую струю дыма к потолку, он открыл папку. На первой странице пестрели распечатки банковских счетов и фото главы семейства — некогда влиятельного человека из Петербурга, а ныне скрывающегося инженера по имени Николай Смирнов. На втором листе — фото его жены, Анны. Адамс мельком пролистал бумаги, фиксируя адреса и номера машин, а затем перевернул третью страницу.

Стакан в руке замёрз. Сигаретный пепел упал на отглаженные брюки, но наследник мафии даже не шелохнулся. С глянцевого фотографии на него смотрели прозрачно-голубые глаза. Фарфоровая белая кожа, чуть выющиеся русые локоны и едва заметная, нежная улыбка.

Диана.

Дыхание пресеклось. Под её снимком пестрели красные печати службы безопасности нашей семьи и сухой, бездушный штамп: «Дочь должника. Подлежит ликвидации вместе с семьёй».

В ушах зазвенело. Стекланный куб пентхауса вдруг показался Эйдану тесной клеткой. Он всматривался в её лицо на фото — в то самое лицо, на которое сегодня он сам смотрел утром в аудитории, в те самые голубые глаза, в которых не было ни капли зла или фальши. Она покупала отцу инструменты на стипендию. Она тихо смеялась с подругами. Она понимала, что её отец — беглый должник лондонской и русской мафии.

Пальцы сжались на краю бумаги. Качественный картон смялся с треском. Внутри холодного наследника, где-то в самой глубине груди, с оглушительным, яростным рёвом

проснулся волк. Тот самый хищник, которого Адамс сдерживал годами, подчиняясь приказам отца.

Они хотят убить её. Его отец хочет, чтобы сын пустил ей пулю в лоб.

— Чёрт... — сквозь сжатые зубы прорычал Эйдан в пустую темноту комнаты.

Эмоции переполняли его, из-за чего тот швырнул стакан в стену. Хрусталь с грохотом разлетелся на тысячи мелких осколков, виски окропил тёмный мрамор полов.

Эйдан Адамс встал, тяжело дыша, и подошёл к панорамному окну. На правой руке напряглись вены, татуировка волка в полумраке казалась ожившим монстром. Он вспомнил тепло её ладони, когда она пожала ему руку у библиотеки. Вспомнил её запах — нежный, пахнущий свежими лилиями и дождём. По правилам клана Адамс должен был сдать её адрес отцу уже завтра утром. По законам улиц она была врагом. Он сжал кулак так, что костяшки побелели, и посмотрел на отражение своих горящих карих глаз в стекле.

— Никто не притронется к ней, — тихо, но с леденящей душу обеспокоенностью произнёс парень в тишину ночи. — Я сожгу весь этот город, отец. Я пойду против правил. Но она будет жить.

ГЛАВА 6

Утро вторника началось с непривычно тихого будильника и странного ощущения, что вчерашний день мне просто приснился.

Я лежала на кровати, уставившись в трещинку на потолке, и прокручивала в голове события понедельника. Его бархатный шёпот над самым ухом. Его карие глаза с опасным разрезом. «Я умею добиваться своего». От воспоминания о его тоне по коже вновь побежали мурашки. Я сжала кулаки, заставляя себя спуститься на землю. Эйдан Адамс был из другого мира — мира дорогих костюмов, Rolls-Royce и слухов о мафии. Я же была просто Дианой, девушкой из бедного квартала, которой нужно было выжить и сдать сессию.

Быстро собравшись и натянув простой свитер овер-сайз и джинсы, я отправилась в университет.

На утренних лекциях Эйдан появился снова. На этот раз он сел чуть дальше, через ряд от нас с девочками, но я спиной ощущала его присутствие. Всякий раз, когда я случайно поворачивала голову, то встречалась с его тяжелым, сканирующим взглядом. Он не слушал преподавателя — он смотрел на меня. На его губах играла та самая едва заметная, дерзкая улыбка, а пальцы с татуировкой волка неторопливо крутили на столе дорогое серебряное кольцо.

Хлоя весь перерыв шепталась, что Адамс «точно положил на кого-то глаз», а София лишь хмурилась, явно чувствуя висящую в воздухе опасность.

К пяти вечера пары закончились, и вместо дома я отправилась на подработку. Уже полгода я работала официанткой и бариста в небольшом уютном кафе «Velvet & Bean» на углу двух старых лондонских улочек, неподалёку от моего дома. Кафе пахло свежемолотой арабикой, корицей и сырой дождевой водой. Хозяин, пожилой добродушный мистер Грей, ценил меня за исполнительность и всегда разрешал забирать домой остатки выпечки для родителей.

Надев тёмно-зелёный фартук, я встала за стойку. За окнами кофейни снова начал моросить мелкий, осенний дождь, превращая вечерний Ист-Энд в размытые сумерки. Посетителей было немного: пара пожилых англичан у окна да студент с ноутбуком в углу.

Около семи вечера колокольчик над дверью тихо звякнул, но никто не вошёл. Я подняла глаза от кофемашины — на пороге никого не было, только холодный сквозняк колыхнул занавеску.

И именно в этот момент меня прошиб застарелый, ввевшийся в кровь страх. Волосы на затылке снова встали дыбом. Тот самый ужасающий взгляд, который я ощущала неделю назад у библиотеки, вернулся. Я медленно вытерла полотенцем барную стойку и посмотрела сквозь запотевшее панорамное стекло на улицу.

На противоположной стороне дороги, прямо под неработающим жёлтым фонарём, стоял длинный чёрный автомобиль с глухой тонировкой. Двигатель машины тихо вибрировал, вырывая из выхлопной трубы сизый клубок пара. Фары были выключены, но я физически ощущала, как из этой непросветной тьмы салона за мной кто-то наблюдает.

«Кто это? Люди из прошлого отца? Или...»

Сердце заколотилось у самого горла. Я нахмурилась, сжимая в пальцах тряпку. На секунду стекло заднего пассажирского сиденья чёрной машины плавно опустилось на пару сантиметров. В полумраке салона блеснул огонёк зажигалки, на мгновение осветив мужской силуэт в дорогом пиджаке и отблеск серебряных часов на запястье. Мужчина сделал затяжку. Сизый дым от сигареты вырвался в дождливую лондонскую ночь.

Дыхание перехватило. Я узнала эти часы. Узнала этот ледяной, небрежный жест.

Эйдан.

Он не заходил внутрь. Он не пытался заговорить. Он просто сидел в своей машине на той стороне улицы и смотрел, как я работаю, словно личный телохранитель... или хищник, стерегущий свою добычу.

Когда мистер Грей попросил меня отнести поднос к дальнему столику, мои руки слегка дрожали. Я понимала: моя спокойная, незаметная жизнь окончательно закончилась. Эйдан Адамс вошёл в неё, и он не собирался уходить.

ГЛАВА 7

Утро пятницы началось не с холодного внутреннего страха, а с уютного аромата свежесваренного кофе и поджаренных тостов. Впервые за долгое время кошмар о тонированной машине во дворе мне не приснился.

Папа сидел на кухне в своей старой белой футболке. На его руках, несмотря на все попытки отмыть кожу, всё так же въелась автомашинная копоть, а под глазами залегли тёмные тени. Но когда я вошла, его уставшее лицо мгновенно озарилось теплотой.

— С добрым утром, инженер Смирнова, — улыбнулся отец, пододвигая ко мне чашку с горячим напитком. — Как успехи в университете? Конспекты всё ещё идеальные? Нагрузка не слишком большая?

— Идеальнее некуда. Справляюсь, пап, — ответила я, присаживаясь напротив и с удовольствием обнимая теплую керамику ладонями. — Профессор по термеху вчера даже похвалил мои расчёты. А у тебя как дела в мастерской? Хозяин не заставляет перерабатывать?

Папа на секунду замер. В его голубых глазах — таких же, как у меня, — мелькнула привычная, застарелая тревога. Но он тут же перекрыл её мягкой ухмылкой и тянулся через стол, чтобы взъерошить мои волосы:

— Всё отлично, доченька. За меня не волнуйся. Главное — ты учишься. Твои знания и твоя профессия — это твой билет в спокойную жизнь. Я сделаю всё, чтобы ты ни в чём не нуждалась.

В его словах было столько безусловной любви, что у меня согрелось всё внутри. Я не знала тогда, какой ценой отец покупал это спокойствие и от кого заслонял нас своей согнутой от усталости спиной.

После пар в университете Хлоя и София буквально заставили меня отправиться с ними в крупный торговый центр в районе Кенсингтон.

— Никаких возражений, Ди! — заявила Хлоя, утягивая меня за руку в очередной светлый бутик. — Ты работаешь и учишься без продыху. Сегодня вечер девичника! Мы покупаем тебе свитер, едим пирожные и просто отдыхаем.

Следующие три часа пролетели как вспышка. Мы мерили платья, смеялись над нелепыми шляпками, пили молочные коктейли и делали глупые фотографии. В окружении подруг я впервые за много месяцев почувствовала себя самой обычной, счастливой девятнадцатилетней девушкой, у которой нет причин оглядываться по сторонам.

Когда мы вышли из ярко освещённого здания ТЦ на прохладную улицу с ворохом бумажных пакетов, вечерело. Прохожие спешили по своим делам, а у самого тротуара, в нескольких метрах от входа, стоял припаркованный тёмный Rolls-Royce с глухой тонировкой.

Я мгновенно узнала *эту* машину.

Самого Эйдана рядом не было, а стёкла авто оставались абсолютно тёмными. Но я спиной ощутила то самое, уже знакомое присутствие. Эйдан не выходил, не пытался привлечь внимание и не мешал моему вечеру с девчонками. Он просто находился неподалёку.

Странно, но на этот раз вместо испуга по моему телу разлилось необычное, глубокое ощущение безопасности. Словно сильный невиданный защитник тихо стоял за моей спиной, охраняя мой покой.

— Ого, вот это тачка... — прошептала Хлоя, с уважением провожая взглядом дорогой автомобиль. — Чья-то богатая жизнь.

— Пойдёмте, девочки, а то автобус уйдёт, — улыбнулась я, обнимая подруг за плечи.

Возвращаясь домой на вечернем двухэтажном автобусе, я смотрела на огни Лондона в окне и улыбалась. У меня были потрясающие подруги, любящие родители и ощущение, что жизнь наконец-то налаживается.

ГЛАВА 8

Субботняя погода выдалась удивительно мягкой для осеннего Лондона. Желая побыть в тишине и отдохнуть от шумной квартиры, после полудня я отправилась в городской парк.

Золотые и багряные листья тихо осыпались с деревьев, шурша под ногами. Воздух пах озоном, мокрой корой и опавшей листвой. Я шла по центральной аллее, засунув руки в карманы пальто, когда на одной из дальних скамеек увидела знакомую фигуру.

Эйдан.

На нём было тёмно-синее кашемировое пальто, безупречно сидевшее на его широких плечах. Он сидел, откинувшись на деревянную спинку и скрестив длинные ноги в дорогих кожаных туфлях, и неторопливо листал что-то в телефоне. Он смотрелся среди обычного парка как сошедший с пьедестала аристократ, но в его позе угадывалась натянутая, готовность в любой момент подняться хищником.

Стоило мне сделать шаг по сухим листьям, как Эйдан поднял взгляд. Словно точно знал, в какую секунду я появлюсь на аллее.

— Мисс *Диана*, — его карие глаза потеплели, а на губах появилось уже знакомое выражение — дерзкое, наглое, но одновременно нежное. — Какая приятная и совсем неожиданная встреча. Присядешь?

Я замялась на секунду, но всё же подошла и опустилась на противоположный край скамейки:

— Ты часто гуляешь в парках, Адамс?

— Только когда знаю, где искать вдохновение, — ухмыльнулся он, убирая телефон в карман.

За следующие два часа мой внутренний скептицизм дал трещину. Эйдан оказался удивительным собеседником. В нём не было ни капли той спеси или высокомерия, которых я ждала

от богатого мажора. Он умел слушать — внимательно, не перебивая, с искренним интересом расспрашивал меня про учёбу, искренне интересовался моими рисунками и слушался с таким глубоким, цепким вниманием, будто каждое моё слово имело для него колоссальное значение. С ним было легко.

Когда осенние сумерки стали опускаться на парк и похолодало, Эйдан достал свой телефон и протянул его мне:

— Запиши свой номер, Диана.

Я удивлённо посмотрела на него, выражая своё негодование:

— Зачем? Мы ведь видимся в университете.

Он чуть наклонился ко мне. Я мгновенно ощутила его парфюм — дорогие ноты замши, табака и прохлады. Его взгляд стал предельно серьёзным:

— Послушай меня внимательно, Диана. Лондон — красивый, но очень опасный город. Ты слишком доверчивая и нежная для этих улиц. Запиши номер и запомни: если тебе станет страшно, если кто-то попытается тебя обидеть или если тебе просто понадобится помощь — ты сразу набираешь меня. В любое время суток. *Поняла?*

Моё сердце пропустило удар. В его голосе звучала такая железобетонная, непререкаемая уверенность, что я впервые за все девять лет жизни в страхе ощутила себя за нерушимой стеной. Решив, что нашла в лице Эйдана надежного и верного друга, я взяла его телефон и вбила свои цифры.

— Вот, — отдала я ему гаджет.

— Отлично, — улыбнулся он, забирая телефон. — А теперь пойдём. Я отвезу тебя домой, уже холодает.

— Эйдан, не стоит, я доеду на метро... Не хочу натруждать тебя, — замахала я руками.

— Натруждать? — он тихо рассмеялся — глубоким, грудным смехом, от которого у меня перехватило дыхание. — Диана, довезти тебя до дома — это наименьшее из удовольствий, которые я могу себе позволить. Пойдём.

Я нехотя согласилась, но внутри всё трепетало.

Когда я села на мягкое кожаное сиденье его машины, а Эйдан заботливо включил для меня подогрев кресла, я окончательно убрала дистанцию между нами.

ГЛАВА 9

Прошла ровно неделя. Наше общение с Эйданом перетекло в ежедневные короткие смс и редкие встречи на переменах в университете. Он держался сдержанно, но его забота ощущалась во всём.

В пятницу в три часа дня на мой телефон пришло сообщение:

«В 18:00 будь готова. Я заберу тебя. Едем к морю, и отказы не принимаются. Надень что-нибудь тёплое. Эйдан».

Я прочла текст трижды, чувствуя, как внутри всё переворачивается от смешанного чувства паники и дикого восторга. Ехать к морю? Вечером?

Следующие два часа я провела у своего скромного шкафа. Меня охватил страх выглядеть бедновато на фоне его идеальных костюмов. В итоге я выбрала простое молочное свитерное платье крупной вязки, плотные колготки и свои любимые бежевые ботинки, набросив сверху пальто.

Ровно в шесть вечера во дворе раздался знакомый глухой гул двигателя.

Я спустилась. Эйдан стоял у открытой двери своего чёрного авто, прислонившись к кузову со скрещенными на груди руками. На нём были тёмные джинсы и плотный чёрный

свитер с высоким горлом, подчеркивавший его атлетическую фигуру. Увидев меня, его глаза вспыхнули с искренним восхищением.

— Ты выглядишь волшебно, *Диана*, — тихо сказал он, помогая мне сесть в салон.

Дорога до побережья Ла-Манша заняла около часа. В машине горела мягкая янтарная подсветка, а из колонок тихо лилась меланхоличная мелодия *The Neighbourhood*. Мы разговаривали легко и непринуждённо: Эйдан подшучивал над моими строгими правилами, а я дразнила его в ответ и смеялась, забыв про все свои тревоги.

Когда машина остановилась, мы оказались на высоком диком обрыве. Внизу с глухим ревом бились о скалы тёмные морские волны, а небо над горизонтом горело невероятным, сногшибательным закатом — от ярко-розового до глубокого фиолетового.

— Боже... как здесь красиво, — выдохнула я, выходя из машины.

Эйдан заглушил двигатель, достал из багажника плотный плед и постелил его прямо на капот машины, надев дорожную куртку на себя.

— Забирайся, — улыбнулся он.

Мы усадились на капот *Rolls-Royce*, свесив ноги. Морской ветер был прохладным и злым, но Эйдан снял свою тёмную куртку и заботливо накинул мне на плечи. Она пахла им — кожей, табаком и дорогим парфюмом, создавая ощущение полного тепла.

Наступила звонкая, правильная тишина. Я смотрела на уходящее за край земли солнце, чувствуя, как покой наполняет каждую клетку моего тела.

— Ты очень красивая, *Диана*, — тихо, глубоким и невероятно нежным голосом произнёс Эйдан.

Я повернула голову. Он не смотрел на закат. Все это время он смотрел только на меня. В его карих глазах отражалось золотое солнце, и в них было столько нерастраченной, глубокой нежности, что у меня пресеклось дыхание.

Эйдан медленно поднял руку. Его широкая ладонь с тёмной татуировкой волка осторожно легла на моё плечо, слегка притягивая ближе. Его движения были трепетными, словно он боялся спугнуть меня или сломать хрупкую фарфоровую статуэтку. Наклонившись к моему лицу, он коснулся губами моей щеки.

Поцелуй был невесомым, теплым и невероятно нежным. По моему телу мгновенно пронеслась горячая волна электричества. Щёки вспыхнули ярким, пылающим румянцем, а сердце заколотилось в ушах с такой силой, что перекрыло шум океана.

Я замерла, приоткрыв губы от неожиданности, и не смогла сделать даже вдох. Пальцы моих рук сами собой сжали плотную ткань его куртки на груди.

Я не отстранилась. В этот момент я окончательно поняла: моя внутренняя защита рухнула. *Я пропала.*

Обратный путь прошел в полусне. Эйдан держал мою руку всю дорогу, глядя большим пальцем мои костяшки. Приведя меня к моему дому, он вежливо попрощался, дождался, пока я войду в подъезд, а затем выехал со двора.

ГЛАВА 10

Запах парфюма Дианы всё ещё витал на пассажирском сиденье Rolls-Royce, когда Эйдан въехал на закрытую территорию темных доков Ист-Энда. Но стоило ему заглушить двигатель, как нежная улыбка мгновенно исчезла с его лица. Адамс вышел из машины в прохладную лондонскую ночь.

Доки Восточного Лондона встречали запахом мазута, гниющей древесины и мёртвой реки. Темза ночью казалась не водой, а густым чёрным дегтем. Дождь барабанил по ржавым крышам грузовых контейнеров, смывая в реку отпечатки шин тяжелых внедорожников. Здесь не было глянца. Только вспыхивали карманных фонарей, холодный блеск воронёной стали,

тихий скрип открывающихся затворов и отрывистые приказы на английском с едва уловимым итальянским акцентом.

Люди Эйдана уже ждали у грузовых контейнеров.

— В чём проблема, Марк? — холодно спросил наследник у своего напарника, натягивая чёрные кожаные перчатки.

— Ошибка при разгрузке, Эйдан, — угрюмо отозвался напарник. — Портовые рабочие перепутали контейнеры с товаром из Италии. А этот... — он указал на крупного, небритого мужика в грязной куртке, — отказывается перегрузать без двойной оплаты и качает права.

Докер сплюнул под ноги на мокрый бетон и с дерзкой, пьяной ухмылкой посмотрел на меня:

— Слышь, сопляк, ты мне тут карточкой Адамсов не маши. Я на твоего отца двадцать лет паишу, а ты ещё тогда пеишом под стол ходил. Не хрен соплякам указывать, когда нам работать!

Он не успел договорить.

Эйдан не стал кричать или вступать в спор. Он просто достал из-под куртки Glock с глушителем, сделал быстрый шаг вперёд и без единого слова пустил ему пулю прямо в коленную чашечку.

Глухой, хлопковый звук выстрела.

Мужчина дико взвыл и рухнул на мокрые плиты, зажимая окровавленную ногу. В доках повисла мёртвая, гробовая тишина. Все остальные рабочие побледнели и вытянулись в струнку, не смея поднять на него глаз.

Адамс опустил ствол и окинул их ледяным, обезумевшим взглядом Волка:

— Ещё вопросы по оплате есть? Чтобы через десять минут контейнер стоял на барже. Если нет — следующий выстрел будет в голову.

Не дожидаясь ответа, парень развернулся, перемахнул через лужу крови и вернулся в свой Rolls-Royce.

На приборной панели зажёгся экран — звонил Винсент. Эйдан нажал кнопку громкой связи.

— Эйдан, — раздался в динамиках сухой, требовательный голос отца. — Ты до сих пор не прислал мне файлы и адреса этой русской семьи Смирновых. В чём задержка? Почему ликвидация стоит?

Его пальцы сжали кожаный руль до треска и белизны в костяшках. Пред глазами всё ещё стоял фарфоровый силуэт Дианы, её пылающие румянцем щеки и момент, когда он касался губами её щеки у моря.

— Были проблемы в порту, — холодно ответил, чеканя каждое слово. — Я разбирался с нерадивыми рабочими. Файлы пришлю, когда освобожусь. Я за рулём.

— Не заставляй меня ждать, сын, — строго произнес Винсент.

— Всего доброго, отец, — Эйдан сбросил вызов, не дожидаясь ответа и швырнул телефон на соседнее сиденье, нажав на газ.

Он врал собственному отцу. Покрывал дочь главного должника. И знал, что, когда отец узнает правду... война вспыхнет не только на улицах Лондона, но и внутри его семьи. Но пока Эйдан дышит, никто не притронется к Диане.

ГЛАВА 11

Вторник в Лондоне не наступил — он просочился сквозь щели оконных рам вместе с запахом сырого асфальта и холодным туманом, который, казалось, можно было резать ножом.

Лондонское утро всегда было особенным: оно не несло свежести, а приносило с собой ощущение надвигающейся тревоги.

Мой будильник прозвенел в шесть утра, но я уже давно не спала. Всю ночь перед глазами стоял берег моря, закатное небо и тепло нежного поцелуя Эйдана в щеку. Это воспоминание было моим личным убежищем, крошечным островком тепла в океане страха, который преследовал нашу семью последние девять лет.

Я пришла в университет на сорок минут раньше. Мои шаги эхом отдавались от высоких сводов пустого вестибюля, выложенного серым викторианским мрамором, который всегда казался холодным, даже если в здании включали отопление. Осенний свет едва пробивался сквозь витражные окна, рисуя на полу причудливые, изломанные тени. В это время корпус напоминал старый, заброшенный замок, где за каждым углом таится тайна. Я любила это время за возможность побыть наедине со своими мыслями, но сегодня тишина казалась мне подозрительной, почти зловещей. Она была такой плотной, что казалось, можно услышать, как внутри стен пульсируют коммуникации здания.

Толкнув тяжелую дубовую дверь нашей аудитории, я замерла на пороге. В нос ударил запах старой бумаги и меловой пыли. На самом последнем ряду, в глубокой тени, куда почти не падал свет от ламп, сидел человек. Он сидел неподвижно, закинув ногу на ногу, и в неярком свете экрана телефона его лицо казалось высеченным из холодного серого гранита. Короткие темные волосы, идеально уложенные назад, без единой выбившейся пряди — каждый волосок лежал на своем месте, словно подчиняясь жесткой дисциплине его разума. Черная водолазка, облегающая сухие, жилистые мышцы шеи, и темный пиджак, висящий на спинке соседнего стула, говорили о подчеркнутой сдержанности. От него исходила такая густая, осязаемая волна холода, что я невольно поежилась. Это была не та дерзкая, обжигающая опасность Эйдана, от которой в животе порхали бабочки. Это было нечто иное — без эмоциональная, профессиональная пустота. Словно передо мной сидел не человек, а инструмент. Хирургический скальпель, который не задает вопросов, а просто режет.

Я замерла, не зная, стоит ли заходить. Мой внутренний «инженер», привыкший к логике и порядку, взял верх. Я — староста, я должна знать всех «новеньких». Собрав волю в кулак, начала подниматься по ступеням. С каждым моим шагом звук каблучков по деревянному полу казался оглушительным выстрелом в этой абсолютной тишине.

Он не поднял головы. Его пальцы медленно, почти механически прокручивали ленту новостей, руки были жилистыми, с длинными, чуть бледными пальцами, на которых не было ни единого кольца или лишнего движения.

— Доброе утро, — мой голос прозвучал тише, чем хотелось бы, и в нем проскользнула предательская дрожь. — Вы новенький? Я Диана, староста этого потока.

Движение было пугающе плавным. Он не просто поднял голову — он зафиксировал меня своим взглядом, как прицел фиксирует мишень. Его глаза были пронзительного, абсолютно бесцветного серо-стального цвета. Это был взгляд человека, который привык оценивать расстояние до цели и силу удара, необходимого для её устранения. В них не было ни интереса, ни вежливости, ни агрессии. Только холодный, расчетливый анализ. На секунду мне стало по-настоящему страшно, словно я заглянула в бездну, где нет даже отголоска человеческого тепла.

— Марк, — бросил он.

Его голос был глухим и низким, лишенным интонаций, словно звук камня, падающего в глубокий колодец.

— Рада знакомству, Марк, — я попыталась выдавить дружелюбную улыбку, но мои губы словно онемели. — Если тебе нужно будет сориентироваться в корпусе или... ну, расписа-

ние, конспекты... ты можешь спросить меня. Или Эйдана Адамса, он тоже новенький, но уже неплохо освоился.

При упоминании имени Эйдана в серой глубине его глаз на мгновение промелькнула искра. Едва заметная, почти призрачная. Он ничего не ответил, лишь снова опустил взгляд в телефон, всем своим видом показывая, что я для него — не более чем декорация в этом зале.

Я спустилась вниз на свой привычный ряд, чувствуя, как мелко дрожат пальцы. Открыла тетрадь, но буквы расплывались перед глазами. *Марк...* Это имя ощущалось тяжелым, как камень с морского дна.

Весь день я не могла сосредоточиться. Эйдан не пришел ни на одну лекцию. Его телефон был вне зоны доступа. Внутри меня росла тревога, переходящая в панику. *Что, если вчерашний вечер был прощанием?*

После пар, в коридоре, Хлоя резко схватила меня за плечо, уводя в сторону от потока студентов.

— Ди, ты видела этого терминатора на галёрке? — она кивнула в сторону аудитории, откуда только что вышел Марк, стремительно скрываясь в толпе. — Мой радар на плохих парней зашкаливает. Девчонки из параллели узнали, что он перевелся из закрытой частной академии в Манчестере. Но, боже, от него же веет моргом! Ты видела его взгляд?

— Я с ним разговаривала утром, — тихо ответила я, поправляя сумку.

— И как? — София прищурилась, внимательно глядя на меня. — Он показался тебе странным?

— Он показался мне... знакомым, — я сама удивилась своим словам. — Не лицом, нет. А этой аурой. Словно я уже видела таких людей... в России. Девять лет назад.

Подруги переглянулись. София хотела что-то сказать, но я лишь покачала головой, прощаясь. Мне нужно было домой. Мне нужно было убедиться, что мой мир, который начал так красиво строиться рядом с Эйданом, не рухнул в одночасье.

ГЛАВА 12

Дом встретил меня запахом подгоревшего масла и дешевого стирального порошка. Наша квартира была крошечной, зажатой в кирпичных тисках Ист-Энда, но мама делала всё, чтобы мы забыли о серости за окном. Она была моим якорем. Женщина, которая потеряла всё — статус, богатство, родину, — но сохранила достоинство и безграничную любовь.

— Мам, я дома, — я устало стащила ботинки, чувствуя, как гудят ноги.

Анна Смирнова выглянула из кухни. Её русые волосы были собраны в небрежный пучок, а на щеке виднелся след от муки.

— Ох, солнышко, как раз вовремя! — она вытерла руки о фартук и подошла ко мне, целуя в лоб. — Устала? Глаза совсем тусклые. Опять этот твой термех?

— И он тоже, — я слабо улыбнулась. — Давай я помогу. У нас сегодня по плану генеральная уборка?

— Если у тебя есть силы, — мама ласково погладила меня по щеке.

Следующие три часа мы провели в молчаливом, но слаженном танце. Я вооружилась влажной тряпкой и начала протирать полки с книгами. В нашей семье книги были святыней. Старые издания Чехова, Достоевского и Толстого, которые родители умудрились запихнуть в чемоданы во время того безумного побега. Протирая корешки, я думала о том, что Эйдан тоже любит читать. Он упоминал об этом в парке.

Мама гремела посудой на кухне, напевая под нос какую-то старую русскую мелодию.

Я перешла к подоконникам. За окном мокли крыши Лондона, а на моих руках оседала пыль нашей нынешней жизни.

— Мам, — я остановилась, глядя на свое отражение в стекле. — Ты когда-нибудь жалела, что мы уехали? Ну, так резко?

Звук льющейся воды на кухне прекратился. Мама замерла. Я видела её спину — напряжённую, прямую, словно стальной стержень. Прошло несколько секунд, прежде чем она обернулась. Её лицо было спокойным, но в глубине голубых глаз застыла тень того самого дня.

— Жалела ли я? — она подошла к столу и села. — Каждый день я тоскую по нашему саду под Питером. По запаху сирени весной. По бабушкиным пирогам. Но Диана... — она посмотрела мне прямо в душу. — Когда за твоей дверью стоят люди, для которых человеческая жизнь не стоит и пенса, ты не думаешь о саде. Ты думаешь только о том, чтобы твоё сердце продолжало биться. Твой отец спас нас. Он совершил невозможное.

— Но он до сих пор боится, мам. Я вижу, как он вздрагивает от каждого шороха. Мы в Лондоне уже девять лет, неужели те люди до сих пор могут нас найти? Я всё ещё не понимаю, кто они такие...

Мама тяжело вздохнула и отвела взгляд.

— Долги в том мире, Диана, не имеют срока давности. Они как радиация — невидимы, но убивают годами. Поэтому я прошу тебя: будь осторожна. Не доверяй случайным людям. Особенно тем, кто кажется слишком идеальным.

Моё сердце пропустило удар. *Эйдан*. Она словно знала. Или её материнская интуиция кричала об опасности.

— Иди ко мне, — мама раскрыла объятия.

Я прижалась к ней, вдыхая её родной запах — смесь ванили и домашнего уюта. Мы сидели в тишине, пока сумерки не залили комнату синим цветом. В этот вечер я поклялась себе, что сделаю всё, чтобы мои родители никогда больше не вставали на колени.

ГЛАВА 13

Четверг начался с того, что небо над университетом буквально взорвалось ливнем. Потоки воды стекали по стеклам так густо, что казалось, мы находимся внутри гигантского аквариума.

Хлоя прислала сообщение, что не придет — у неё «семейный апокалипсис». София уже сидела в аудитории, погруженная в расчеты.

Я вздохнула, понимая, что сегодня мне придется сидеть одной. Но стоило мне подойти к своей парте, как я увидела, что место Хлои уже занято. Эйдан сидел там так естественно, словно это было его законное место с первого курса. На нем была черная водолазка, которая подчеркивала его широкие плечи, и темно-серый пиджак. Он крутил в длинных пальцах ручку, а когда я подошла, поднял глаза. В их карей глубине больше не было того льда, который я видела в Марке. Там горел живой, обжигающий огонь.

— Прости, *Диана*, место занято, — ухмыльнулся он своей фирменной наглой улыбкой. — Я слышал, твоя подруга сегодня дезертировала, а я не мог позволить тебе скучать на лекции по сопротивлению материалов.

— Ты невыносим, *Адамс*, — я села рядом, чувствуя, как жар от его тела мгновенно передается мне. — Откуда ты вообще узнал, что Хлои не будет?

— У *Волка* хороший слух, — он подмигнул мне и открыл чистую тетрадь. — Ну что, научишь меня строить эпюры моментов? А то я в этом смысле меньше, чем в балете.

Лекция прошла в тумане. Я пыталась записывать слова профессора, но постоянно чувствовала на себе взгляд Эйдана. Он не скрывался. Он смотрел на то, как я держу ручку, как

покусываю губу, когда задумываюсь, как заправляю прядь волос за ухо. Пару раз его колено случайно коснулось моего, и я едва не выронила карандаш. Электричество между нами было настолько плотным, что, казалось, щелкни выключателем — и аудитория вспыхнет.

Когда пары закончились, он перехватил мою сумку раньше, чем я успела её поднять.

— Пойдем. Дождь почти кончился, — сказал он, увлекая меня к выходу.

Мы вышли на крыльцо. Воздух был кристально чистым и пах озоном. Эйдан раскрыл огромный черный трость-зонт.

— Я провожу тебя, — это был не вопрос, а констатация факта. — Пойдем через парк. Там сейчас должно быть красиво.

— Эйдан, мне нужно домой, чертежи сами себя не начертят...

— Чертежи подождут, Диана. А осень в Лондоне — нет.

Мы шли под одним куполом зонта. Он держал его так бережно, что ни одна капля не упала на мои плечи, хотя его левый бок был уже наполовину мокрым.

Наше общение текло легко. Мы спорили о музыке, обсуждали архитектуру Лондона. Эйдан рассказывал о своем детстве, о том, как он ненавидел жесткие правила частных школ, и как мечтал о свободе. В эти моменты он не казался мне аристократом с золотой ложкой во рту. Он был просто парнем, который умел искренне смеяться и смотреть на мир с легким вызовом.

Когда мы подошли к моему дому в Ист-Энде, дождь окончательно стих. У подъезда Эйдан остановился и закрыл зонт. Он посмотрел на обшарпанную дверь, на тусклый фонарь, а потом на меня. В его взгляде промелькнула странная смесь нежности и... *вины?*

— Спасибо за вечер, Эйдан, — тихо сказала я, забирая сумку.

Он молча подошел ближе. Его пальцы, украшенные татуировкой волка, осторожно коснулись моей щеки, заправляя выбившийся локон за ухо. Это прикосновение было как удар током.

— Диана... — его голос стал совсем низким, вибрирующим. — Пообещай мне одну вещь. Что бы ни случилось, что бы ты ни услышала обо мне или о моей семье... помни, что с тобой я — настоящий. *Только с тобой.*

Я смотрела в его глаза и не могла вымолвить ни слова. Я лишь кивнула, не понимая, к чему эти предостережения. Эйдан мягко улыбнулся, еще раз провел большим пальцем по моей скуле и, развернувшись, ушел в сгущающиеся сумерки. Я стояла у двери, пока звук его шагов не затих.

ГЛАВА 14

Семейный особняк Адамсов в Хэмпстеде всегда казался Эйдану склепом, облицованным мрамором и обвешанным подлинниками старых мастеров. Здесь стены имели уши, а полы скрипели под тяжестью секретов, которые могли бы похоронить половину британского парламента. Он ненавидел это место, но сегодня ему нужно было быть здесь.

Эйдан сидел в малой гостиной, перед огромным камином, в котором лениво догорали дубовые поленья. В руке был тяжелый хрустальный стакан с янтарным бренди, но парень к нему не притронулся. Перед глазами всё еще стояла Диана — хрупкая, пахнущая лилиями и дождем, с теми самыми голубыми глазами, которые стали его единственной религией.

Тяжелая дверь тихо отворилась, и в комнату, почти бесшумно, вошел Маттео. Младшему брату Эйдана было двадцать два, но в его взгляде застыл опыт человека, видевшего слишком много крови. Маттео был его единственным союзником в этом доме.

Натуральный блондин, он сохранил ангельскую внешность матери, но разбавил её угольно-черными прядями — символ его бунта против системы. На его груди, прямо под ключицами, расправлялись крылья ангела, но они оба знали, что эти крылья давно обгорели в пламени их семейного бизнеса.

В отличие от сдержанного Эйдана, Маттео был более дерзким, резким и непредсказуемым.

— Отец снова рвет и метает, — Маттео подошел к бару и плеснул себе воды, проигнорировав элитный алкоголь. — Сказал, что ты саботируешь поставки в порту и... — он прищурился, глядя на старшего. — И что ты слишком долго ищешь «этих русских беглецов». Эйдан, он начинает что-то подозревать.

Адамс медленно поднял взгляд на брата. Маттео сел в кресло напротив, закинув ноги на кофейный столик из эбенового дерева. В его карих глазах — точно таких же, как у Эйдана — плескалось беспокойство.

— Маттео, мне нужно, чтобы ты выслушал меня очень внимательно, — сказал наследник и поставил стакан на стол. — Я нашел их.

Младший замер. Его рука с зажатым стаканом воды застыла на полпути. — И что? Почему они еще не в Темзе? Ты же знаешь приказ Винсента. Девять лет долга. Это вопрос чести клана.

— Их дочь... — Эйдан сглотнул ком в горле, — она учится со мной. Диана Смирнова. Та самая, о которой я тебе не рассказывал.

Тишина в гостиной стала физически осязаемой. Трещал камин, а братья смотрели друг другу в глаза. Маттео медленно поднял брови, а затем горько и восхищенно усмехнулся:

— Ну ты и влип, братец. Отец тебя живьем закопает, если узнает. Русская Братва тоже ищет их хвост. Ты понимаешь, что на кону?

— Понимаю, — жестко отрезал старший, поднимаясь с кресла. — Именно поэтому мне нужна твоя помощь. Ты единственный, кому я доверяю больше, чем самому себе. Марк уже в деле, он следит за университетом. Мне нужно, чтобы ты подготовил «Гнездо» — загородный дом в Суррее. Если запахнет жареным, я увезу её туда.

Маттео поднялся следом, подошел к брату и крепко хлопнул по плечу, глядя в его темные глаза со стальным блеском:

— Сумасшедший... — наконец выдохнул он, и на его губах появилась горькая, дерзкая ухмылка. — Ладно. Я с тобой. В конце концов, мне всегда хотелось посмотреть, как горит империя Адамсов. Волк защищает свою стаю.

Эйдан крепко обнял брата. Они знали, что с этой секунды подписали себе приговор.

ГЛАВА 15

Пятничный вечер выдался на редкость промозглым. После долгой смены в кофейне «Velvet & Bean» я шла домой по узким переулкам Ист-Энда. На улице почти никого не было — лишь редкие прохожие спешили спрятаться от начинающегося ливня.

Мои мысли были заняты чертежами и теплым шарфом, который Эйдан накинул на меня вчера. Пройдя мимо темного угла старой аптеки, я вдруг спиной ощутила тот самый животный страх. Тот самый холод, который я чувствовала в России девять лет назад. Сзади раздался глухой звук тяжелых шагов и тихий, вкрадчивый скрип автомобильных шин по мокрому асфальту.

Я резко обернулась. Прямо за мной, медленно катясь по лужам с выключенными фарами, ползла черная отечественная машина с грязными русскими номерами. Мозг мгновенно выдал картинку: точно такая же машина стояла под окнами нашей квартиры в день моего десятилетия. Те же очертания, та же аура смерти.

Кровь застыла в жилах. Воздух застрял в легких комком.

Я не стала ждать. Не стала проверять, ошиблась я или нет. Я сорвалась с места и побежала.

— Эй! Стоять, сука! — раздался сзади грубый хриплый окрик на русском языке.

Двери машины распахнулись с лязгом. Оттуда выпрыгнули двое крепких мужчин в черных кожаных куртках и бросились за мной в погоню. Их тяжелые шаги эхом отдавались от мокрых стен домов.

Мое сердце колотилось где-то в горле, в глазах темнело от паники, в ушах шумела кровь. *Они* нашли нас. *Они* пришли за нами!

Завернув за угол старого склада, я задыхалась, слезы градом катились по щекам. Передо мной был тупик, но прямо у входа в переулок стоял знакомый черный Rolls Royce. Возле машины, о чем-то спокойно разговаривая, стояли Эйдан и тот самый мрачный парень Марк. Я не понимала, как они здесь оказались. Я никогда не видела, чтобы они общались в университете, но сейчас это было неважно.

Из последних сил добежав до них, я влетела в объятия Эйдана, вцепившись пальцами в его пальто, и закричала сорванным, дрожащим голосом:

— Эйдан! Бежим! За мной... за мной погоня! Русские... люди в черном, они убьют нас!

Эйдан мгновенно изменился. Это было жуткое превращение. Его лицо, еще секунду назад выражавшее тревогу, превратилось в ледяную, неподвижную маску. Карие глаза потемнели, становясь почти черными. Он не побежал. Он даже не шелохнулся. Он крепко взял меня за плечи, заглядывая в мои испуганные глаза:

— *Диана*, тихо. Посмотри на меня. Ты в безопасности. Слышишь? В безопасности.

— Нет, ты не понимаешь! — истерически всхлипнула я, пытаюсь оттолкнуть его к машине. — Уходи со мной! У них оружие!

В этот момент из-за угла выбежали те самые двое амбалов в кожаных куртках. Увидев нас, они остановились, тяжело дыша. Один из них, с глубоким шрамом на щеке, оскалился, вытаскивая из-за пояса тяжелый пистолет:

— Отдай девчонку, сопляк английский, и иди своей дорогой. У её папаши долг перед Братвой.

Но Эйдан даже не дрогнул. Он резко оттолкнул меня за свою спину, загораживая собой.

— Марк, — бросил он коротко и ледяно.

Марк, который до этого стоял неподвижно, как тень, молча кивнул. Одним плавным движением он достал из-под пиджака черный вороненый пистолет.

— Сиди в машине, Диана, — приказал мне Эйдан голосом, не терпящим возражений, и толкнул меня на заднее сиденье Rolls-Royce, захлопнув дверь.

Дрожа от ужаса, сквозь тонированное стекло я видела, как Эйдан и Марк спокойным, уверенным шагом пошли прямо навстречу вооруженным бандитам. Бандиты начали кричать и вскинули оружие, но Марк выстрелил первым — точный, сухой хлопок глушителя, и один из преследователей рухнул на асфальт, как подкошенный. Второй замер в ужасе, пытаясь отступить, но Эйдан в три широких шага сократил расстояние и ударом рукоятки своего пистолета вырубил его наотмашь.

Вся сцена заняла меньше десяти секунд. Это была профессиональная, холодная зачистка.

Эйдан и Марк быстро вернулись к машине и запрыгнули внутрь. Двигатель взревел, и мы сорвались с места, оставляя позади поверженных врагов. Меня всю крупно трясло. Слезы бесконечным потоком текли по щекам, зубы стучали о зубы.

— Т-ты... Откуда они?... Кто это?! Откуда у тебя пушка?! — заикаясь, в истерике кричала я, глядя на Эйдана через переднее сиденье.

Эйдан сидел на водительском сиденье, сжимая кожаный руль так, будто готов был убить всех. На его лице не было эмоций — лишь ледяная, страшная маска *Волка*.

— Мы едем к тебе домой, Диана, — глухо и жестко произнес он, не глядя на меня. — Ты быстро собираешь паспорт и самые необходимые документы. А после мы едем в мой загородный дом.

— Ч-что?! Какой загородный дом?! Объясни мне! — закричала я, чувствуя, как теряю рассудок. — Кто эти люди?! Почему они преследуют меня?! Откуда ты знаешь Марка и почему ты умеешь обращаться с оружием?!

Эйдан медленно повернул голову. В его карих глазах плескалась такая боль и такая глухая безысходность, от которой у меня внутри оборвалось все.

— Я всё объясню, *Диана*. Но позже. Сейчас — молчи и держись за меня.

Марк на переднем сиденье угрюмо молчал, глядя в лобовое стекло. Мы мчались сквозь ночной дождь в неизвестность.

ГЛАВА 16

Мы подъехали к дому на окраине так тихо, будто машина была призраком. Ночной Ист-Энд казался мне теперь враждебной территорией. Каждый фонарь был шпионом, каждая тень — киллером.

— Марк, иди с ней, — бросил Эйдан, не выключая двигатель. — Быстро соберете всё самое важное. Десять минут, не больше. Если увидишь движение — стреляй на поражение.

Мы с Марком выскочили из машины под проливной дождь и взбежали по лестнице на третий этаж. Руки дрожали так сильно, что я едва смогла повернуть ключ в замочной скважине.

В темной квартире пахло маминым ужином, но дом казался чужим и пустым — родителей всё еще не было дома. От этого сердце сжалось еще сильнее.

— Быстрее, Диана, — Марк стоял у двери, его серо-стальные глаза сканировали лестничную клетку.

В его руке был пистолет, и он держал его так естественно, будто это была часть его собственного тела. Я влетела в свою комнату, схватила рюкзак, сгребла паспорта, свидетельства о рождении, все сбережения, что хранились в тумбочке, и пару сменных вещей. Слезы застилали глаза. Обернувшись к Марку, я в отчаянии схватила его за рукав пиджака:

— Марк... Скажи мне правду. Что будет с моими родителями? Почему за мной гнались те люди? Кто такой Эйдан?!

Марк медленно опустил глаза на мою руку. В его холодном взгляде на секунду мелькнуло нечто, похожее на человеческое сочувствие. Он тяжело вздохнул:

— Не задавай вопросов, на которые не хочешь знать ответов, девочка. Идем. Нам нужно уходить.

Я задохнулась от рыданий, но спорить больше не стала. Мы выбежали из квартиры и вернулись в машину. Следующие два часа прошли в абсолютной, звенящей тишине. Мы мчались по шоссе далеко за пределы Лондона, в глубь густых лесов и холмов графства Суррей. Когда мы наконец проехали через массивные стальные ворота, передо мной предстал он. Загородный дом Эйдана был больше похож на неприступную современную крепость в стиле брутализма и минимализма.

Снаружи — темный бетонированный монолит, панорамные бронированные стекла с тонировкой, высокие стальные ограждения и камеры видеонаблюдения по всему периметру. Внутри — просторные залы, отделанные черным камнем, темным деревом, сдержанным минималистичным светом, камином и атмосферой абсолютной, удушающей безопасности и изоляции.

Эйдан загнал Rolls-Royce в подземный гараж.

— Марк, — повернулся Эйдан к напарнику, помогая мне выйти из салона. — Выясни через наши каналы в Питере, кто именно слил русским информацию о ее местонахождении. Мне нужны имена тех крыс.

— Сделаю, босс, — кивнул Марк, бросил на меня сочувственный взгляд и тут же скрылся на другой машине.

Мы с Эйданом вошли в дом. Я дрожала от пережитого шока, обхватив плечи руками. Эйдан молча провел меня по мраморным коридорам на второй этаж, открыл дверь в просторную гостевую комнату с огромной кроватью и панорамным видом на темный лес.

— Располагайся, *Диана*. Это твоя комната. Здесь ты в абсолютной безопасности, — его голос звучал мягко, но в нем все еще чувствовалось стальное напряжение.

Он вышел, но через десять минут тихо, размеренно постучал и вернулся. В руках он держал поднос: тарелка с горячим супом, стакан воды и небольшая белая таблетка успокоительного. Эйдан поставил поднос на тумбочку, сел на край кровати и посмотрел на меня снизу-вверх. Я сидела в самом дальнем углу комнаты, сжавшись в комок и обхватив колени руками, а по щекам все еще катились беззвучные слезы. Он протянул руку, желая коснуться моей щеки, но я отшатнулась, вжавшись в стену.

— Не надо... — всхлипнула я, срываясь на крик. — Пожалуйста, Эйдан, хватит играть в молчанку! Объясни мне всё! Кто те люди? Почему они назвали тебя «английским сопляком»? Почему мой папа должен им денег? И КТО ТЫ ТАКОЙ?! Ты не просто студент... ты убил человека у меня на глазах!

Эйдан замер. Его рука медленно опустилась. Он поднялся во весь свой огромный рост, закрывая собой тусклый свет лампы. Его карие глаза смотрели на меня с такой невыносимой болью и тяжестью, что у меня внутри все оборвалось. Он сделал шаг ко мне, но остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Я тот, кто защитит тебя, *моё солнце*, чего бы мне это ни стоило, — тихо, честно и твердо произнес он.

— Но почему?! — сквозь слезы выкрикнула я. — Почему ты помогаешь мне?!

Эйдан закрыл глаза, сделав тяжелый вдох. Когда он снова посмотрел на меня, его взгляд был холоден и непреклонен:

— Потому что еще не время, *Диана*. Ты узнаешь все... но не сегодня. А сейчас — поешь и постарайся уснуть. Я буду за дверью.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и вышел из комнаты, оставив меня одну в тишине огромного загородного дома, наедине с тысячей вопросов и рухнувшим миром.

ГЛАВА 17

Ночь была соткана из мучительных, удушливых кошмаров. Каждый раз, когда усталость брала верх и я закрывала глаза, сознание швыряло меня в темные, узкие переулки Ист-Энда. Я снова слышала визг тормозов, выстрелы, видела холодные, налитые кровью глаза русских наемников и хладнокровное, страшное лицо Эйдана с пистолетом в руке. А потом картинка менялась: я видела наш старый дом под Петербургом, заснеженный двор, и папу, стоящего на коленях на мокром асфальте, пока над ним возвышались силуэты в кожаных куртках.

Я проснулась в пять утра от собственного сдавленного крика. Сердце колотилось в груди, как пойманная в силки птица, а футболка на спине была насквозь мокрой от холодного пота. Я села на огромной кровати, тяжело дыша и озираясь по сторонам. Загородный дом Эйдана утонул в предзвездных сумерках. В комнате царил стерильный минимализм: высокие потолки, шероховатые стены из темного бетона, полированный дубовый паркет и панорамное окно во всю стену, за которым в густом молочном тумане замер сосновый лес графства Суррей. Всё в этом месте дышало огромными деньгами, абсолютной безопасностью и холодной изоляцией.

Спустив ноги на прохладный пол, я подошла к окну и прислонилась лбом к бронированному стеклу. За окном неторопливо моросил мелкий осенний дождь. Капли медленно стекали по стеклу, подобно слезам, а в моей голове бушевал настоящий хаос.

Мне было безумно, до судорог в животе страшно за родителей. Где они сейчас? В безопасности ли они? Почему Эйдан спрятал меня здесь, но ничего не говорит о них? И самый главный, разрывающий душу вопрос: Кем же на самом деле является Эйдан Адамс?

Я закрыла глаза, и мысли унесли меня в прошлое — в тот шумный, светлый день в университетской аудитории, когда Эйдан еще не перевелся на наш факультет. Я до мельчайших деталей вспомнила тот разговор с Хлоей и Софией. Хлоя тогда пила свой неизменный латте и с азартом шепталась:

«— Вы слышали слухи про семью Адамс? Их фамилия пестрит в списках благотворителей, но мой дядя из юридического говорит, что они держат половину недвижимости в Сити. Ходит мнение, что они мафиози, да и парнишка там красивый есть. Поговаривают, он тот еще дьявол...»

Тогда я лишь рассмеялась и ответила, что дьяволы не ходят на лекции по термеху. Боже, какой же наивной и слепой я была! Пазл в моей голове наконец-то сложился с оглушительным треском. Швейцарские часы на его запястье, дорогие костюмы-тройки, Rolls-Royce, бесшумная охрана, уверенность, с которой он держится, и, самое главное — татуировка волка на руке и то, как профессионально, без единого колебания, он с Марком застрелил тех людей в переулке.

Эйдан Адамс — не просто богатый студент. Он — наследник крупного, опасного мафиозного клана. Человек из мира, о котором я читала только в романах. И я полюбила его всей душой. Я полюбила человека, который принадлежит к миру насилия и крови.

Пытаясь отогнать эти неугомонные мысли, заставлявшие грудную клетку сжиматься от боли, я решила выйти из комнаты. Мне нужен был свежий воздух, нужен был хоть глоток воды. Я тихо отворила тяжелую звукоизоляционную дверь и вышла в коридор.

В доме царила звенящая, почти мертвая тишина, нарушаемая лишь редким поскрипыванием сосен за окном. В коридорах горела тусклая, встроенная в стены ночная подсветка. Спустившись по широкой мраморной лестнице на первый этаж, я осмотрелась. Дом казался абсолютно пустым. Пройдя через просторную гостиную с затухшим камином, я зашла на огромную, высокотехнологичную кухню из темного камня и стали. На полированном кухонном острове стоял поднос, накрытый клошем. Рядом лежала аккуратная записка. Я подошла и взяла листок. На нем четким, сильным, слегка наклонным почерком Эйдана было написано:

«Моя лилия, я уехал по делам города. Поешь, пожалуйста. Тебе нужны силы. В холодильнике свежий сок. Ни о чем не волнуйся, ты под защитой.

Эйдан».

Я сжала листок в пальцах, чувствуя, как к горлу подступает ком. В нем уживались два совершенно разных человека: заботливый, нежный мужчина, который оставляет записки с просьбой поесть, и ледяной Волк, который без сожаления простреливает людям колени и головы.

Вдруг в тишине дома раздался глухой, тяжелый щелчок срабатывания электронного замка входной двери. Вслед за ним донеслись шаги — быстрые, уверенные, отбивающие ритм по мраморному полу холла. Я замерла, вжавшись спиной в кухонный гарнитур и укрывшись за широкой колонной, разделявшей кухню и прихожую.

— Соколов активизировался в Петербурге, — раздался глухой, лишенный эмоций голос Марка. — Он поднял свои связи в Лондоне. Тех двоих, которых мы сняли в переулке, уже ищут.

— Мне плевать на Соколова и его шестерок, — ответный голос Эйдана звучал жестко, с леденящими нотками властности, от которых у меня по коже пробежали мурашки. — Что по родителям Дианы?

Я прижала ладонь к губам, затаив дыхание. Сердце заколотилось прямо в ушах.

— Николай Смирнов задолжал Братве больше трех миллионов долларов еще с Питера, — продолжал Марк. — Когда он сбежал в Англию, он взял заем у Синдиката твоего отца. В

итоге он должен обоим кланам. Русские приехали сюда не просто за деньгами — они хотят вырезать всю его семью в назидание остальным.

— Никто не притронется к Диане, — отрезал Эйдан, и в его тоне прорезалось рычание. — Ты понял меня, Марк? Никто.

— Эйдан, ты играешь с огнем, — в голосе Марка впервые проскользнули отголоски человеческой тревоги. — Твой отец, Винсент, потребует от тебя объяснений, когда русские доложат ему о ситуации по делу Смирнова. По правилам клана Адамс, ты покрываешь врага.

— Диана — не враг! — прорычал Эйдан. — Она ничего не знает про долги отца! Она чиста! Я сам разберусь с Винсентом и с русскими. Завтра поставь дополнительных людей по периметру загородного дома. Поднимись ко мне в кабинет, нужно изучить схемы портовых складов.

Шаги стали удаляться. Я услышала, как они поднялись по лестнице на второй этаж и за ними закрылась тяжелая дверь кабинета. Я стояла у колонны, не в силах сделать даже вдох. Мои родители... должники двух мафиозных кланов. Русская мафия хочет вырезать нас. Но Эйдан... Эйдан рискует всем, идет против всей структуры, чтобы защитить меня.

Пересилив оцепенение, я быстрым, бесшумным шагом преодолела коридор, взлетела по лестнице и юркнула в свою комнату, плотно прикрыв дверь. Мои ноги подкосились. Я упала на край кровати, обхватив голову руками. Голова раскалывалась. Желание сбежать, спрятаться, забиться в угол боролось с невыносимой, жгучей нежностью к человеку, который прямо сейчас стоял между мной и смертью.

Я достала из кармана джинсов телефон. Пальцы мелко дрожали, пока я листала галерею. Сначала на экране появилась старая, чуть размытая фотография из России — день моего десятилетия. На ней мама улыбается, папа в своей любимой кожаной куртке обнимает нас за плечи, а я сижу в том самом розовом сарафане от бабушки. Мы были так счастливы... На следующем фото, сделанном уже в Лондоне прошлым летом, мы с Хлоей и Софией сидим в кофейне, смеемся и корчим рожицы в камеру. А вот фото отца в его автомастерской: он держит в руках тот самый новый набор инструментов, который я купила ему на стипендию, и смотрит на меня с такой гордостью. Слеза скатилась по моей щеке и упала на стекло экрана. Я смахнула ее и перелистнула дальше. Последнее фото было сделано у моря. Я сфотографировала Эйдана тайком, пока он смотрел на закат. Его резкий, аристократичный профиль, каштановые волосы, растрепанные ветром, и эта застывшая на губах сдержанная, сильная улыбка. Он выглядел на фото как прекрасный, опасный бог.

Я открыла наш чат в мессенджере. Наша переписка была наполнена нежностью, которая сейчас казалась почти сюрреалистичной:

«— Эйдан: Ты дома? Доехала нормально?»

«— Диана: Да, уже сижу над чертежами по сопромату. А ты где?»

«— Эйдан: Занятно. А я сижу в машине у твоего дома и думаю о том, как красиво ты улыбаешься, когда смущаешься. Не засиживайся поздно, Лилия. Тебе нужно спать.»

«— Диана: Ты невыносим, Адамс... Нельзя просто так писать такие вещи!»

«— Эйдан: Я просто честен. Спокойной ночи, Ди. Спи сладко. Я рядом.»

Я перечитывала эти строки снова и снова, чувствуя, как внутри разгорается пожар из любви, боли и отчаяния.

Прошел час. В тишине комнаты раздался короткий, вежливый стук. Дверь отворилась, и на пороге появился Эйдан. Он сменил деловой костюм на простую черную футболку и темные джинсы. Его волосы были чуть взъерошены, а под карими глазами залегли тени глубокой усталости. В руках он держал стакан воды.

— Ты не поела, — тихо произнес он, проходя в комнату и ставя стакан на тумбочку. Он сел на край кресла напротив меня. — Диана... я пришел поговорить. Я готов ответить на некоторые твои вопросы.

Я подняла на него заплаканные, горящие гневом и болью глаза:

— На некоторые вопросы? Эйдан, ты держишь меня в запертом доме! За мной гонятся киллеры! Я слышала твой разговор с Марком!

Эйдан едва заметно вздрогнул, на его челюсти заиграли желваки, но он сохранил ледяное спокойствие:

— Значит, ты всё слышала... Тем проще. Да, моя семья — это клан Адамс. Мы приехали из Италии несколько поколений назад и строили этот город. Да, твой отец взял огромный долг у Синдиката моего отца и у Братвы. И да, русская мафия под руководством Соколова хочет найти и убить твою семью.

— Найти и убить?! — выкрикнула я, срываясь на фальцет. — Скажи это! Ты тоже должен был найти и застрелить нас, как тех людей в переулке?!

— Я не собирался причинять тебе боль! — его голос впервые повысился, прорезая тишину комнаты. — Я до последнего не знал, чья ты дочь, пока не открыл папку! А когда увидел твоё фото... я понял, что ни один человек из моего клана не притронется к тебе!

Он утаивал детали. Он не рассказал мне про внутреннюю структуру мафии, не упоминал о целях клана на мою семью, о поставках оружия и о том, как именно Соколов планирует нейтрализовать моего отца. Он выдавал информацию дозированно, спасая мою психику и одновременно защищая свои секреты.

— И почему же? — я поднялась с кровати, сжимая кулаки и подступая к нему. — Почему ты защищаешь дочь человека, который задолжал двум кланам большую сумму денег?! Зачем я тебе?! Я для тебя просто трофей? Способ насолить отцу?! Игрушка?!

Эйдан встал во весь свой огромный рост, возвышаясь надо мной. От него веяло мощью, но в его глазах плескалась такая адская мука, какой я никогда у него не видела.

— Не смей так говорить, Диана, — тихо, но с леденящей угрозой произнес он. — Ты — моя единственная слабость. Единственное чистое, что есть в моей проклятой жизни. Я рискую всем ради тебя.

— Тогда скажи мне правду! — закричала я, ударив его кулаками в грудь. — Почему?! Почему ты это делаешь?!

Он перехватил мои запястья. Его хватка была железной, но невероятно бережной. Я пыталась вырваться, билась в его руках, слезы застилали мне обзор, я называла его лжецом и монстром.

— Отпусти меня! Отпусти! Я ненавижу тебя, Адамс! Ненавижу!

— Перестань! — громко, на разрыв аорты выкрикнул Эйдан, притягивая меня к себе вплотную.

Он сжал меня в объятиях так сильно, что у меня перехватило дыхание. Я оказалась прижатой к его широкой, горячей груди. Я слышала, как сумасшедше, загнанно стучит его сердце. Я не могла сделать ни движения, не могла вырваться из этой властной, защитной ловушки.

— Перестань кричать, Диана... — его голос сорвался, став хриплым и надломленным. Он уткнулся носом в мои волосы, судорожно вдыхая их запах. — Пожалуйста... Прекрати.

— Почему?... — прошептала я, утыкаясь носом в его футболку и заливаясь слезами.

Эйдан чуть отстранился, взял мое лицо в свои широкие ладони и заставил посмотреть себе прямо в глаза. В его карих глазах больше не было маски Волка. Там была только голая, незащищенная, обжигающая душа.

— Потому что *я люблю тебя*, моя лилия, — тихо, четко и пронзительно произнес он, чеканя каждое слово. — Я люблю тебя так сильно, что готов согрешить против собственного отца, против закона и против всего мира. Ты — моя жизнь.

Сердце в моей груди остановилось, а затем забилось с удвоенной силой. Он наклонился и нежно, трепетно поцеловал меня в лоб, задерживая губы на моей коже на долгие несколько секунд. Это был не поцелуй страсти — это была клятва верности и защиты.

— Отдыхай, моя лилия, — тихо прошептал он.

Он мягко разжал объятия и выскользнул из комнаты, закрыв за собой дверь. Я осталась стоять посреди комнаты, касаясь пальцами лба, где всё еще горел след от его губ, абсолютно потерянная в океане его любви и надвигающейся катастрофы.

ГЛАВА 18

Следующее утро началось не с солнечного света, а с тяжелого, непроглядного сумрака, висевшего над загородным особняком Суррея. Дождь за окном не прекращался — он лил сплошной стеной, превращая вековые сосны в темные, размытые силуэты.

Я не спала всю ночь. Слова Эйдана — его громкое, надрывное «*Я люблю тебя*» — эхом отзывались в моих ушах, не давая закрутить маховик мыслей. Я сидела на кровати, поджав колени к груди, чувствуя себя застрявшей между двумя безднами: искренней, спасительной любовью мафиозного наследника и смертельной опасностью, нависшей над моей семьей.

Около десяти утра в дверь моей комнаты тихо постучали. Дверь отворилась, и вошел Эйдан. На нем были темно-серые брюки и черная рубашка с закатанными до локтей рукавами. В его лице застыла странная, неживая окаменелость, а взгляд карих глаз казался потемневшим, словно выцветшим от глубокого, скрытого напряжения. За ним в комнату вошла молчаливая женщина средних лет в строгой форме служанки. В руках она несла несколько вешалок с дорогой качественной одеждой, а за ней двое охранников занесли несколько коробок с обувью.

— Доброе утро, Диана, — произнес Эйдан. Его голос звучал ровно, слишком ровно, без единой эмоциональной окраски. — Это Елена. Она принесла вещи. Тебе нужно переодеться.

Служанка вежливо и молча кивнула мне, после чего принялась аккуратно развешивать наряды в просторном гардеробном шкафу. Чего там только не было: мягкие кашемировые свитера пастельных тонов, шелковые блузы, качественные брюки, разные аристократичные платья, теплые пальто от известных брендов и удобные кожаные ботинки. Вся одежда была подобрана идеально по моему размеру, словно Эйдан знал каждую черту моего тела.

— Эйдан, зачем всё это?.. — тихо спросила я, поднимаясь с кровати. — У меня есть мои вещи в рюкзаке.

— *Твои* вещи остались в Ист-Энде, Диана, — сухо отрезал он, не встречаясь со мной взглядом. — Выбери то, что тебе удобно, и переоденься. Я буду ждать тебя внизу в гостиной. Нам... нужно поговорить.

Он развернулся и вышел, а служанка, закончив раскладывать вещи, тихо удалилась, закрыв за собой дверь. Я осталась одна. Внутри меня проснулось леденящее предчувствие беды. Это не был страх перед Эйданом — это было то самое ощущение, которое преследовало меня в детстве, перед тем как рухнул наш мир.

Трясущимися руками я достала из шкафа простой темно-синий свитер из мягкой шерсти и темные джинсы. Переодевшись и мельком глянув в зеркало на своё бледное, с темными кругами под глазами лицо, я сделала глубокий вдох и вышла из комнаты.

Каждый шаг по широкой мраморной лестнице давался мне с трудом, будто к моим ногам привязали чугунные гири. В доме стояла гробовая, удушающая тишина. Ни звука радио, ни шороха шагов охраны — только монотонный стук капель дождя по панорамным окнам.

Я вошла в огромную главную гостиную. В камине горел яркий огонь, отбрасывая оранжевые блики на стены из черного камня. У окна, в глубоком кожаном кресле, сидел Марк. На нем был строгий черный костюм, а его серо-стальные глаза были устремлены в одну точку на полу. В его руке лежал отключенный планшет. От его фигуры веяло такой тяжелой мрачностью, что воздух в гостиной казался плотным и непригодным для дыхания.

Эйдан стоял у камина, опираясь рукой о дубовую полку. При моем появлении он медленно повернулся.

— Присядь, Диана, — тихо сказал он, указывая на мягкий диван напротив камина.

Я прошла вперед и села на самый край дивана, сжав пальцы в замок на коленях. Мое сердце колотилось где-то в горле. Я переводила испуганный взгляд с Эйдана на Марка, не понимая, что происходит.

— Что произошло? — мой голос прозвучал как сухой шелест. — Эйдан... где мои родители? Вы вывезли их? Они в безопасности?

Марк медленно поднял голову. Он посмотрел на Эйдана и сделал один единственный, едва заметный, тяжелый кивок головой. Этот кивок был подобен выстрелу в упор. Эйдан закрыл глаза на секунду, сделал глубокий, рваный вдох, а затем подошел ко мне. Он опустился на колени прямо перед диваном, оказавшись со мной на одном уровне. Его руки осторожно, трепетно взяли мои ледяные, дрожащие ладони в свои. Его глаза были полны такой бездонной, выжигающей душу черной тоски и скорби, что у меня внутри всё оборвалось и полетело в пропасть.

— Диана... милая моя лилия, — его голос сорвался, став хриплым и надломленным. Он сжал мои пальцы. — Мне невероятно жаль. Произошло то, что я не смог предотвратить...

— Нет... — прошептала я, качая головой и пытаясь выдернуть руки. — Нет, Эйдан, не надо... Не говори этого!

— Люди Соколова из русской мафии... они выследили их раньше, чем мои люди успели перехватить машину, — Эйдан сглотнул ком, его глаза блеснули от сдерживаемых эмоций и вины передо мной. — На их квартиру в Ист-Энде было совершено нападение.

— Замолчи! Замолчи, пожалуйста! — закричала я, срываясь на истерический навзрыд.

— Николай и Анна Смирновы... твои родители... они мертвы, Диана. Их больше нет.

Мир вокруг меня не просто рухнул — он взорвался, разлетаясь на миллионы острых, окровавленных осколков. В ушах возник оглушительный, выжигающий мозг звон. Воздух полностью исчез из моих легких. Я увидела перед собой улыбающееся лицо мамы, вытирающей руки о цветастый фартук, услышала добрый голос отца: *«Как успехи, инженер Смирнова?»* ... И осознала, что я больше никогда, никогда в этой жизни не услышу их голосов.

Дикий, животный, нечеловеческий крик вырвался из моей груди. Я попыталась встать, но ноги не держали. Я начала дрожать в руках Эйдана, рыдать, задыхаться от всхлипов, мигающий свет камина превратился в кровавое пятно. Эйдан подхватил меня, прижимая к своей груди, обнимая намертво, пока я кричала и колотила его кулаками по плечам, тонув в невыносимой, уничтожающей черной бездне горя.

ГЛАВА 19

Звон в ушах

...

Диана?

...

Моя лилия, прошу, иди поешь...

...

...

Пустота в груди.
Приглушенные звуки шагов.
Голоса людей смешались в один
неразборчивый гул в ушах....

...

ГЛАВА 20

Понедельник.

Я сижу на кровати, завернувшись в тёплое одеяло. Мой пустой взгляд устремлён в окно, за которым мерно покачиваются сосны.

ГЛАВА 21

Вторник.

Эйдан сказал, что приготовил для меня завтрак. Оставив поднос у двери, он ушёл.

ГЛАВА 22

Среда.

Ночь. Меня снова накрыла паническая атака. Я сижу на холодном полу, вжавшись в угол комнаты. Эйдан сидит рядом, обнимая меня за плечи. Он медленно успокаивающе поглаживает мою спину, что-то говоря мне.

ГЛАВА 23

Четверг.

Я наконец-то нашла в себе силы и вышла в гостиную. Я сижу на диване, прижав колени к груди своими руками. Кусаю губы. Мои глаза наблюдают за огнём в камине.

ГЛАВА 24

Пятница.

Я с Эйdanом стоим в саду загородного дома. Марк приехал с задания и вошёл в дом с каким-то светловолосым парнем, но я не обращаю на них внимания.

ГЛАВА 25

Суббота.

Мне стало легче, но я до сих пор вздрагиваю от любого звука машин за окном. Эйдан не пытается разговорить или рассмешить меня. Он находится всегда рядом со мной, заботясь.

ГЛАВА 26

Воскресенье не принесло с собой ни облегчения, ни света. Оно лишь размыло границы между днями, превратив их в один бесконечный кисель.

После того дня, когда Эйдан опустился предо мной на колени и изрек страшные слова про гибель мамы и папы, моё существование потеряло всякие краски. Мир вокруг меня превратился в немой фильм, где все звуки были приглушены, а цвета выцвели до грязно-серого. Прошедшие дни слились в сумеречную галлюцинацию. Я почти не выходила из комнаты, едва касалась еды, опускала шторы и лежала на кровати, уставившись в одну точку на потолке, пока судорожные слезы не выжигали глаза. Моя утрата была не просто сбоем или болью — она была ампутацией души. Я чувствовала себя так, словно из меня выдернули весь позвоночник и выбросили на ледяной мостовой Ист-Энд.

Сейчас я сидела на краю огромной кровати, поджав колени к подбородку. Комнату наполнял холодный, сизый свет октябрьского утра. Единственной нитью, связывавшей меня с той прошлой жизнью, где я была любимой дочкой и нежной студенткой-инженером, оставался мой телефон.

Мои бледные, похудевшие пальцы с тонкими, почти прозрачными фалангами медленно прокручивали экран. В сотый, в тысячный раз за эти дни я перелистывала галерею. Вот мама в нашем маленьком палисаднике под Петербургом — улыбается, заправляя выпавшую из пучка русую прядь за ухо, а солнце золотит ее щеку. Вот папа, обсыпанный древесными стружками, гордо демонстрирует мне деревянную полку, которую вырезал для моей комнаты. Вот наше семейное фото из парка в Ист-Энде: я с огромным букетом осенних листьев, а родители с обеих сторон обнимают меня, целуя в виски. На этом снимке в моих голубых глазах было столько наивного, слепого счастья. Я зажмурилась, чувствуя, как по щеке снова стекает одинокая, горячая слеза, опадая на шелковое покрывало. Они никогда больше не назовут меня «солнышком». Никогда не взъерошат волосы. И от этой окончательности внутри меня разверзлась черная бездна.

Тихий, размеренный стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Я даже не успела ответить, когда ручка мягко опустилась, и в комнату переступил Эйдан. Он прошел внутрь со своей бесшумной, грациозной походкой хищника. На нем были тёмно-синие брюки и черная кашемировая водолазка с закатанными до предплечий рукавами, открывавшая тёмный оскал волка на правой руке.

Эйдан выглядел осунувшимся; в его карих глазах застыла глухая, тупая боль, но, когда он посмотрел на меня, его взгляд наполнился такой немыслимой, осторожной нежностью, словно перед ним стояла ваза из тончайшего, треснувшего хрусталя.

— Моя лилия... — его голос был низким, чуть хриплым от усталости. — Доброе утро.

Я не ответила. Лишь глубже уткнулась подбородком в колени, спрятав телефон за спину.

Эйдан неторопливо подошел к кровати, опустился на край и посмотрел на меня. В воздухе вокруг него витал знакомый аромат дорогого табака, сухой замши и прохладного осеннего ветра.

— Ты не ела с вчерашнего обеда, — тихо, но твёрдо произнес он, окинув взглядом мою бледность.

— Так больше продолжаться не может, милая. Я знаю, как тебе больно. Я отдал бы всё на свете, чтобы забрать эту боль себе, но ты должна жить. Пожалуйста, спустись со мной на кухню. Нам нужно поесть.

— Я не хочу, Эйдан, — едва слышно прошелестела я, не поднимая глаз. — Во мне ничего не держится.

— Попробуй ради меня, — он протянул руку и ладонью с теплым, шершавым прикосновением касается моей щеки. Его пальцы бережно смахнули мокрую дорожку слезы. — Пойдем. Сделай этот шаг.

В его тоне было столько молитвы и нерушимой, стальной поддержки, что моё сопротивление дало трещину. Я слабо кивнула. Эйдан встал, подошел к гардеробу и достал оттуда мягкий кашемировый свитер молочного цвета и простые свободные брюки. Он аккуратно положил вещи на край кровати, повернулся и вышел в коридор, давая мне возможность переодеться в одиночестве.

Скинув мятую домашнюю футболку, я облачилась в тёплые вещи. Кашемир мягко обнял мои дрожащие плечи, даруя капли физического тепла. Пересилив тошноту и слабость в ногах, я толкнула дверь и вышла из комнаты.

Спускаясь по массивной мраморной лестнице, я ощущала, как этот огромный загородный особняк в Суррее давит на меня своей величиной. На первом этаже царила идеальная чистота. Просторная гостиная с панорамными окнами была заполнена мягким светом осеннего дня, а в камине лениво потрескивали дубовые поленья.

Я прошла на огромную кухню из темного камня и стали. Эйдан стоял у кухонного острова, опираясь ладонями о полированную мраморную столешницу. При моих шагах он мгновенно обернулся. В его глазах мелькнуло облегчение. Он шагнул навстречу, бережно взял меня за талию и, наклонившись, нежно и долго поцеловал в висок, касаясь губами моих русых волос. От этого жеста в груди что-то болезненно сжалось.

— Спасибо, что спустилась, — шепнул он мне на ухо.

Эйдан осторожно отодвинул для меня тяжелый кожаный стул у кухонного острова и усадил меня. На столе уже стоял приготовленный завтрак: прозрачная глубокая пиала с легким свежим салатом из зелени и черри, запеченное в духовке сочное нежное мясо с ароматными травами и стакан горячего, парящего чая с чабрецом и лимоном.

— Ешь медленно, — Эйдан сел на соседний стул, не сводя с меня внимательного, заботливого взгляда.

Я взяла вилку. Рука слегка дрожала. Взяв небольшой кусочек мяса и салата, я отправила их в рот. Вкус оказался удивительно насыщенным и мягким. До этого момента я даже не замечала, насколько истощен был мой организм: последние дни я жила на грани обморока.

Постепенно, от тепла чая и той невероятной, трепетной заботы, которой Эйдан окружил меня в этот час, ко мне действительно начал возвращаться забытый аппетит. Я съела полтарелки, чувствуя, как по жилам впервые за долгое время разливается слабое тепло. Эйдан молча наблюдал за мной, и уголки его губ впервые за день чуть тронула теплая, сдержанная улыбка.

— Я хотел сказать тебе пару вещей, Диана, — произнес он, когда я сделала глоток чая. Он чуть подался вперед, положив свои руки на стол. — Чтобы ты не терзала себя лишними страхами.

Я подняла на него свои голубые глаза, замирая в ожидании.

— Твои подруги — Хлоя и София... с ними всё в порядке, — ровным, спокойным тоном проговорил Эйдан. — Мои люди проверили их. Они не имеют абсолютно никакого отношения к делам твоего отца и к его долгам. Ни русские, ни мой отец не проявят к ним интереса. Они в полной безопасности, продолжают учиться.

Огромный тяжелый камень, давивший мне на грудь последние дни, наконец отвалился. Я судорожно выдохнула, ощущая, как слезы снова подступают к глазам — на этот раз от облегчения.

— Спасибо... — тихо прошептала я. — Спасибо, Эйдан.

— И второе, — его взгляд стал предельно жестким и стальным. — Соколов... главарь той русской мафиозной группировки, которая пришла из Петербурга... не сможет найти тебя. Пока ты находишься в этом доме, под моей защитой и под охраной моих людей — ты невидима для него. Этот особняк изолирован от всех баз данных. Ты в безопасности, моя лилия. Я даю тебе слово Адамса.

При упоминании фамилии Соколова у меня по спине пробежал мороз, но уверенность, с которой Эйдан произнес эти слова, подействовала как анальгетик. Я кивнула, допивая чай.

Наступил вечер. За окнами загородного дома окончательно сгустились сизые непроглядные сумерки. Лес тонул в тумане, а по крыше тихо и убаюкивающе барабанил дождь.

Около семи вечера, когда я сидела в своей комнате за чтением старой книги из библиотеки Эйдана, в дверь тихо постучали. На пороге появилась Елена — пожилая, сдержанная служанка с мягкими, добрыми глазами. В руках она несла плотный чехол.

— Добрый вечер, мисс Диана, — тепло улыбнулась она, проходи в комнату. — Мистер Эйдан просил помочь вам подготовиться к вечеру.

Я с удивлением посмотрела на чехол, который Елена аккуратно расстегнула на кровати. Внутри лежало потрясающей красоты легкое атласное платье нежно голубого, небесного цвета на тонких бретелях. Оно переливалось в свете лампы, словно жидкий шелк.

— Елена... — я с растерянностью посмотрела на служанку. — Зачем всё это? Куда мы едем? Зачем мне платье?

Елена лишь нежно и по-матерински улыбнулась мне, поправляя вырез платья:

— Никуда ехать не нужно, мисс. Особенные вечера иногда происходят и дома. Вы только не переживайте. Мистер Эйдан... он очень глубоко заботится о вас. Я работаю в семье Адамс много лет, мисс Диана, и поверьте — я никогда не видела нашего молодого босса таким. Он смотрит на вас так, словно вы — единственное солнце в его тёмном мире. Выберите момент и просто позвольте себе улыбнуться.

Её слова легким бальзамом коснулись моего израненного сердца. Я позволила Елене помочь мне надеть платье. Атлас приятно охлаждал кожу, идеально облекая талию и ниспадая мягкими волнами до самого пола.

Елена аккуратно причесала мои волнистые русые волосы, оставив их распущенными по плечам.

Когда я спустилась на первый этаж, в доме горел только тусклый, романтический свет бра и камина. Из глубоких колонок встроенной аудиосистемы гостиной тихо и маняще лилась мелодия. Это была глубокая, меланхоличная, наполненная пронзительной грустью песня — «O Children» группы Nick Cave and the Bad Seeds. Тягучий вокал и шуршащие струнные заполняли всё пространство огромной комнаты.

Я сделала шаг на мраморный пол гостиной. Эйдан стоял у пылающего камина. Он сменил домашнюю одежду на идеально отглаженную черную рубашку и темные брюки. Увидев меня, плавно спускающуюся по лестнице в нежно-голубом атласном платье, он замер. В его карих глазах вспыхнул такой немыслимый восторг и трепет, что у меня перехватило дыхание. Он мягко, сдержанно улыбнулся мне и медленно сделал шаг навстречу.

Эйдан поднял руку и благородным, старинным жестом пригласил меня подойти ближе. Я вопросительно и смущенно посмотрела на него, кусая губу:

— Эйдан?... Что всё это значит?

— Подойди ко мне, лилия, — тихо, пронзительно произнес он.

Я сделала несколько шагов по теплому ковру и остановилась перед ним. Эйдан нежно перехватил мои ладони. Его правая рука легла на мою талию, притягивая меня ближе, а левой он бережно сжал мою ладонь.

— Доверься мне, — шепнул он.

Он начал вести меня. Мы закружились в медленном, невероятно красивом и плавном вальсе прямо посреди полутемной гостиной, озаренной оранжевыми языками пламени камина. Его движения были безупречными, уверенными и одновременно трепетными. Он вращал меня, прижимал к себе, а атлас моего платья шуршал в такт музыке.

Под сдержанный, глубокий мотив песни Ника Кейва Эйдан чуть наклонился к моему уху. Он начал тихо, еле слышно подпевать музыке специально для меня:

— Моя дорогая... любимая... — его бархатный голос вибрацией отдавался в моем мозге.

Он плавно повернул меня в танце, удерживая за талию, и его губы снова оказались у моего виска:

— Прости нас за то, что мы сделали... Все началось как забава...

В этих словах песни, пропетых его хриплым шёпотом, было столько скрытой, неведомой мне боли, вины и трагизма, что моё сердце сжалось. Я не знала тогда, за что именно он просит прощения. Я видела только мужчину, который держит меня в своих руках так, словно я — драгоценность всей его жизни.

Когда последние аккорды «O Children» тихо затихли в пространстве гостиной, Эйдан остановился. Он не выпустил меня из рук. Он притянул меня к себе и крепко, горячо обнял, уткнувшись носом в изгиб моей шеи. Я почувствовала, как судорожно вздымается его грудная клетка.

Я впервые за все эти адские дни почувствовала, как тяжелый, сковывающий узел внутри моей груди ослаб. Я расслабилась. Мои руки сами поднялись и обняли его за широкие плечи. На моих губах появилась слабая, первая настоящая и нежная улыбка. Эйдан отстранился, ласково заглянул мне в глаза и улыбнулся в ответ:

— Пойдём, я провожу тебя.

Он поднялся со мной на второй этаж, довел до дверей моей комнаты и мягко поцеловал в лоб:

— Мне нужно спуститься в кабинет, Диана. Марк приехал, нам нужно обсудить пару рабочих вопросов. Ложись спать. Ты сегодня прекрасно выглядишь.

— Спасибо за вечер, Эйдан, — тихо ответила я и, слабо улыбнувшись, кивнула ему.

Я вошла в комнату и закрыла дверь. Впервые за долгое время в душе царил покой. Я скинула босоножки, легла на край кровати прямо в голубом платье и тихо, едва слышно принялась напевать себе под нос ту самую мелодию из песни Ника Кейва: «*O children, lift up your voice...*». Под этот незамысловатый мотив я впервые за все недели провалилась в глубокий, безмятежный и спокойный сон.

ГЛАВА 27

Кабинет Эйдана Адамса на третьем этаже загородного особняка в Суррее был местом, куда не имела доступа даже прислуга. Это была святая святых, штаб-квартира и личный бункер наследника мафиозной династии. Комната тонула в полумраке. Массивные стены из мореного тёмного дуба, полки, заставленные редкими историческими фолиантами и коллекционным холодным оружием, глухие шелковые шторы тёмно-бордового цвета, полностью закрывавшие панорамные окна от внешнего мира.

За большим письменным столом из цельного массива черного ореха стояло массивное кожаное кресло. На столе мерцали три монитора с высоким разрешением, выводившие записи с камер наблюдения по всему периметру поместья, а рядом парил дымок от затухшей в хрустальной пепельнице сигареты "Cohiba".

Воздух в кабинете был плотным, тяжелым, пропитанным ароматами дорогого виски, старой кожи, табака и воронёной стали.

Эйдан вошел в кабинет, бесшумно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь. Его нежная, тепловатая улыбка, предназначенная только для Дианы, мгновенно исчезла с лица. За долю секунды черты его лица огрубели, превратившись в привычную, ледяную и беспощадную маску Волка.

В углу кабинета, у книжного стеллажа, его уже ждал Марк. Марк сидел на кожаном диване, положив на колени пухлую темную папку с гербом русской группировки. На нем был неизменный строгий черный костюм, а в бесцветных серо-стальных глазах застыла абсолютная, профессиональная выдержка.

Эйдан неторопливо прошёл к своему столу, налил в тяжелый рокс немного двадцатилетнего шотландского виски и оперся бедрами о край дубового столешницы, скрестив руки на груди.

— Докладывай, — коротко и сухо бросил он, чеканя каждое слово.

Марк открыл папку и достал несколько распечаток со схемами и фото.

— Соколов перевернул весь Ист-Энд, — низким, глухим голосом произнес Марк. — Русская Братва ищет девчонку с особым ожесточением. После того, как их люди не вернулись с задания в переулке, Соколов понял, что в дело вмешалась третья сила. Но твой след они пока не нашли. Они думают, что Диану спрятал кто-то из старых связей её отца. Вектор поиска уходит на север Лондона. Наш загородный периметр в Суррее полностью чист. Ни одной подозрительной машины за последние трое суток.

Эйдан сделал небольшой глоток виски, чувствуя, как алкоголь обжигает горло. Он бросил взгляд на один из мониторов, где на камере второго этажа виднелась закрытая дверь комнаты Дианы.

— Хорошо, — ровным тоном ответил Эйдан. — Ты отлично сработал, Марк. Спасибо. Твоя преданность не останется без награды.

— Я делаю свою работу, босс, — просто кивнул Марк, закрывая папку. — Что делаем со второй задачей?

Эйдан чуть сощурил свои карие глаза с острым разрезом:

— Ты про северный клан?

— Да. Семья Маккалистер. Маленький шотландский клан на севере города. Они задолжали Синдикату твоего отца около пяти миллионов за поставку через порты. Винсент взбешен. Он требует, чтобы мы провели акцию устрашения и заставили их подписать бумаги на передачу их складов.

Эйдан нахмурился. Он поправил манжеты своей черной рубашки, открывая край татуировки волка:

— Маккалистеры — мелкая рыба. Они отдадут склады без лишней крови, если нажать на их логистику. Отправь туда пару наших ребят с предупреждением. У нас нет времени на их мелкие разборки, пока Соколов рыщет по Лондону.

Марк кивнул, делая пометку в своем блокноте. В этот момент на рабочем столе Эйдана зажегся и зашипел зашифрованный спутниковый телефон. На экране высветился приватный номер. Эйдан поставил стакан на стол и взял трубку:

— Да.

— Эйдан, это я, — в динамике раздался дерзкий, но слегка взволнованный голос его младшего брата Маттео.

На заднем фоне слышался гул мотора его спортивного авто.

— Говори, Маттео. У тебя есть новости от отца? — жестко спросил Эйдан.

— Есть, и они тебе не понравятся, братец, — Маттео вздохнул. — Винсент сегодня заходил в мой кабинет. Он был чернее тучи. Отец начинает догадываться, что ты водишь его за нос с делом семьи Смирновых. Он спросил у меня, почему ты не появляешься в клубе "Archangel" и почему твоя личная охрана снята с объектов в Сити.

Эйдан сжал телефон в пальцах так, что на руке натянулись вены:

— Что ты ему ответил?

— Сказал, что ты занят зачисткой следов русской Братвы в порту, — ответил Маттео. — Но Винсент — не дурак, Эйдан. Он начинает строить предположения. Он мельком упомянул твой загородный дом в Суррее. Пока это только его догадки, он не уверен на сто процентов, но его ищейки могут проверить этот адрес уже на днях.

Эйдан замер. В кабинете повисла тяжелая, густая тишина. Марк на диване чуть подался вперед, считывая реакцию босса.

— Папаша не должен прикоснуться к Суррею, — тихо, но с леденящей яростью произнес Эйдан. — Маттео, слушай меня внимательно. Мне нужно, чтобы ты немедленно подтянул наши резервные средства и нашел еще одно убежище.

— Вне территории клана Адамс? — уточнил Маттео. — Да. Абсолютно «чистый» дом. Никаких записей в реестрах Синдиката, никаких связей с отцом. Где-нибудь на юге, ближе к побережью. Если ищейки Винсента или люди Соколова подберутся к Суррею... я перевезу Диану туда в ту же секунду.

— Понял тебя, братец, — отозвался Маттео. — У меня есть пара вариантов в Восточном Суссексе. Я всё подготавливаю и проверю лично. Держись там. И береги девчонку.

— На связи, — коротко отрезал Эйдан и сбросил вызов.

Он положил телефон на стол и тяжело вздохнул, зарывшись пальцами в свои каштановые волосы.

Сетка вокруг них затягивалась. С одной стороны — разъяренная русская Братва во главе с Соколовым, жаждущая крови Дианы. С другой — собственный отец, властный Дьявол Синдиката, который не прощает предательства. И посередине этого ада стоял он, Эйдан Адамс, готовый сожрать каждого, кто попытается причинить вред голубоглазой девушке, спасшей сейчас на втором этаже его дома.

Эйдан подошел к панорамному монитору, выводившему камеру из коридора на дверь комнаты Дианы.

— Я защищу тебя, моя лилия... — тихо, словно мольбу, прошептал он в пустую темноту кабинета. — Даже если мне придется умереть...

ГЛАВА 28

Пробуждение было резким, болезненным и холодным. Я вскочила на огромной кровати, судорожно хватая ртом воздух, а по моим щекам уже катились горячие, соленые слезы.

Снова этот кошмар. Словно наяву, в деталях и с пугающей четкостью, мне приснился тот страшный момент: серые стены лондонской подворотни, свинцовое небо, холодный блеск металла и лица моих родителей, падающих на мокрый асфальт под звуки глухих выстрелов. Я задохнулась от всхлипа, обхватив руками голову и прижимая колени к груди. Сердце колотилось в ребрах так дико и часто, казалось, оно готово проломить грудную клетку.

В комнате царил утренний полумрак — плотные шторы задерживали лучи солнца, пытавшиеся пробиться сквозь сосновые ветки за окном. Просидев так несколько минут и пытаясь унять дрожь в пальцах, я поняла, что оставаться в этой постели больше невыносимо. Воздуха катастрофически не хватало. Я встала с кровати, ощущая приятную прохладу паркета под босыми ногами, подошла к гардеробной и открыла дверцу.

На днях заботливая Елена заполнила полки новой одеждой. Перебирая вешалки, я оставила выбор на чем-то простом, мягком и не сковывающем движения: надела уютную, приталенную кофточку бирюзового цвета с длинным рукавом и классические черные брюки, которые идеально сидели по фигуре. Волосы я небрежно собрала в низкий хвост, оставив пару прядей обрамлять лицо.

На ватных, еще не до конца отошедших от сна ногах я вышла из комнаты и тихонько направилась по безмолвному коридору загородного особняка.

В доме стояла абсолютная, звенящая тишина — та самая утренняя тишина, в которой каждый скрип половицы кажется громом. Спускаясь по широкой мраморной лестнице на первый этаж, я уловила слабый, но такой манящий аромат свежемолотого зернового кофе. Запах вел на кухню.

Я помедлила в дверях просторного кухонного помещения из темного камня и стали. Посередине комнаты, у кофе машины, стоял Эйдан. На нем не было рубашки. При виде его обнаженного торса к моим щекам мгновенно прилил такой сильный, палящий жар, что кожа на лице и шее запылала ярко-красным румянцем. Я замерла, вперив взгляд в его спину, и не могла сделать ни шагу вперед.

Эйдан был полностью погружен в процесс приготовления кофе, стоя ко мне спиной. Широкие плечи, рельефные мышцы спины, туго натянутые под кожей, и узкая талия, переходящая в темные домашние брюки. Но то, что заставило мое дыхание оборваться, а сердце замереть — это были детали. Вся его спина, от лопаток и до поясницы, была испещрена старыми, побелевшими, глубокими шрамами. Следы от ножевых ранений, шрамы от пуль и пересекающиеся рубцы от жестких плетей или арматуры. Это была карта жестоких войн, наглядное свидетельство того, через какой ад прошел этот человек, прежде чем стать абсолютным хозяином Лондона. Кое-где на его коже еще блестели капли влаги — на левом плече и шее выступал свежий пот.

Я мгновенно сообразила: Эйдан проснулся намного раньше меня, задолго до рассвета, и уже успел провести изнуряющую тренировку в своем подземном спортзале. Грудную клетку пронзила острая волна жгучей жалости и невыносимого сочувствия к нему. Сколько боли перенес этот человек? Сколько раз он стоял на волосок от смерти?

Мое сердце сжалось. Во мне проснулся дикий, непреодолимый интерес: мне безумно хотелось узнать, при каких обстоятельствах он получил эти увечья, кто посмел поднять руку на наследника клана Адамс? Но здравый смысл и такт остановили меня.

Сейчас он был уязвим в своей наготы, и я не хотела давить на него расспросами, не хотела возвращать его в те кровавые воспоминания.

Сделав над собой усилие, я подавила смущение, тихо ступила на плитку и мягко произнесла:

— Доброе утро, Эйдан.

Он вздрогнул от неожиданности, так как был полностью поглощен мыслями, и резко обернулся. В его карих глазах на секунду мелькнула настороженность хищника, но стоило ему увидеть меня, как жесткие черты лица мгновенно растаяли, сменившись безграничной, мягкой нежностью. Он окинул меня взглядом с головы до ног, заметив приталенную кофточку и черные брюки, и уголки его губ тронула теплая, сдержанная улыбка.

— Доброе утро, моя лилия, — его голос был низким, бархатным и хриплым. Он поставил чашку кофе на стол и шагнул ко мне. — Ты сегодня выглядишь... потрясающе. Тебе очень идет этот наряд.

Я опустила глаза, чувствуя, как щеки снова заливают румянец от его прямолинейного комплимента.

— Спасибо... Ты тоже рано встал, — тихо ответила я, кивнув на его влажную от пота спину. — Тренировался?

Эйдан проследил за моим взглядом и легко усмехнулся, ничуть не смущаясь своей наготы:

— Да. Мышцы требуют нагрузки, иначе разум начинает застаиваться. Привычка с детства. Иди сюда.

Он подвел меня к кухонному острову и заботливо усадил на стул. Пока я смущенно сидела, стараясь не смотреть на его шутки, Эйдан за считанные минуты приготовил для меня легкий и питательный завтрак: тосты с авокадо и слабосоленой рыбой, свежий апельсиновый сок и чашку ароматного травяного чая.

— Ешь, *Диана*. Тебе нужно восстанавливать силы, — ласково произнес он, садясь напротив с черным крепким кофе.

Мы позавтракали в удивительно тихой, умиротворяющей атмосфере. После того тяжелого разговора и слез прошлой недели между нами словно рухнула последняя невидимая стена. Я больше не боялась его. Рядом с ним, несмотря на весь окружающий нас мафиозный ужас, я чувствовала себя защищенной.

Поев и поблагодарив Эйдана за заботу, я решила немного отвлечься. Тяжелые мысли о гибели родителей и страх перед Братвой давили на психику с такой силой, что мне срочно нужно было переключить мозг.

— Эйдан, я пойду в домашнюю библиотеку, — сказала я, поднимаясь со стула. — Хочу найти какой-нибудь старый роман, чтобы просто почитать и немного развеяться.

Карие глаза Эйдана потеплели еще сильнее. Он поднялся вслед за мной, подошел и нежно поцеловал меня в макушку:

— Конечно, Диана. Бери всё, что найдешь на полках. Если понадобится помощь с выбором — скажи мне. Я буду в своем кабинете.

Кивнув ему, я направилась в восточное крыло особняка, где располагалась огромная двухэтажная библиотека Адамсов. Это было величественное, завораживающее место. Высокие темные стеллажи из красного дерева ломились от тысяч книг в кожаных переплетах с золотым тиснением. Панорамное окно от пола до потолка выходило на затянутый туманом лес, а в центре комнаты стоял большой кожаный диван и мягкий шерстяной ковер.

Я подошла к стеллажам, проводя пальцами по корешкам книг, и погрузилась в поиски истории, которая смогла бы унести меня далеко от этой суровой реальности.

ГЛАВА 29

На следующий день после обеда я сидела на роскошном белом диване в главной гостиной загородного особняка. В правой руке я держала высокий стакан с холодным апельсиновым соком, лениво покручивая его пальцами и наблюдая за тем, как капли конденсата стекают по стеклу. По телевизору, висевшему на стене из черного камня, транслировалась какая-то дневная развлекательная программа, плавно перетекавшая в скучный драматический сериал.

Я не вслушивалась в диалоги актеров — телевизор работал скорее для фона, чтобы заглушить давящую, звенящую тишину загородного дома. Эйдан с самого утра снова заперся в своем кабинете с Марком, обсуждая какие-то очередные опасные дела клана.

Вдруг в просторном холле у входа раздался громкий, отчетливый звук поворачивающегося в замке тяжелого ключа.

Щелк.

Я вздрогнула, резко повернув голову в сторону прихожей. Сердце тут же сделало тревожный кульбит. Эйдан предупреждал, что сегодня могут приехать его люди, но звук был слишком свободным, наглым для делового визита.

— Эйдан? — тихонько позвала я, поднимаясь с дивана и ставя стакан на журнальный столик.

Но из прихожей донесся не его сдержанный шаг, а легкое, вальяжное постукивание дорогих ботинок по мраморному полу, сопровождаемое негромким свистом какой-то популярной мелодии. В проеме гостиной показался парень.

Я вжалась спиной в спинку дивана, широко распахнув глаза и со страхом изучая незнакомца. Он был примерно одного возраста с Эйданом — лет двадцати двух. Натуральный блондин со стильной, небрежной стрижкой, но часть его светлых прядей была дерзко выкрашена в угольно-черный цвет. На лице играла наглая, обезоруживающая ухмылка, а в карих глазах — точной копии глаз Эйдана — плескалось откровенное, неиссякаемое веселье. На его переносице красовались дорогие солнцезащитные очки в темной оправе, которые он легким движением руки сдвинул на макушку, зачесывая ими светлые пряди назад.

На нем была шелковая рубашка винного цвета, расстегнутая почти до середины груди так, что отчетливо виднелась сложная татуировка в виде крупных расправленных ангельских крыльев, охватывавших всю его грудную клетку. На шее блестела массивная золотая цепь с тяжелым кулоном. Он выглядел как рок-звезда или принц из современного криминального романа — яркий, опасный, притягательный и совершенно неуправляемый.

Мы встретились взглядами. Парень замер у входа, с интересом окинув меня с ног до головы своими карими глазами. В них не было угрозы — только любопытство коллекционера, обнаружившего редкий экспонат.

Неторопливой, пружинистой походкой он направился прямо ко мне. Я вжалась в диван еще сильнее, мысленно проклиная себя за то, что оставила телефон в комнате. Он остановился в шаге от меня, засунув руки в карманы черных брюк, и лукаво приподнял бровь:

— Ну привет, принцесса. А ты, я смотрю, быстро освоилась в берлоге моего старшего братца.

Я опешила, несколько раз моргнув и чувствуя, как внутри закипает смесь растерянности и возмущения:

— Твоего... братца? Ты еще кто такой?!

Его ухмылка стала еще шире, обнажая ровные белые зубы. Он протянул руку, словно собирался пожать мою, но вовремя передумал, лишь смахнув невидимую соринку со своей шелковой рубашки:

— Маттео. Младший брат этого зануды Эйдана. И судя по тому, что ты выглядишь так испуганно, он забыл предупредить тебя, что в этом доме временами появляются другие обитатели, кроме него.

Я сглотнула вязкую слюну, медленно приходя в себя. *Маттео*. Тот самый младший брат, о котором Эйдан говорил Марку. Значит, он член семьи Адамс. Но выглядел Маттео совершенно иначе, чем его холодный и сдержанный брат — от него исходила волна бешеной харизмы, дерзости и юношеского максимализма.

— Эйдан ничего не говорил мне о тебе... — выдавила я, всё ещё настороженно глядя на него.

Маттео с интересом осмотрел меня с ног до головы, задерживая взгляд на моих распущенных русых волосах и голубых глазах:

— Охотно верю. Эйдан помешан на контроле и безопасности, особенно когда речь заходит о тебе. Ну ладно, рассказывай, как тебя зовут? Чем увлекаешься? Какая была жизнь в России до того, как ты перебралась в наш дождливый Лондон?

Он говорил со мной так легко, просто и непринужденно, будто мы были давними знакомыми, случайно встретившимися в университетском кафе, а не в секретном мафиозном бункере.

— Эмм... Диана, — растерянно ответила я. — А что касается России... почему тебя это так интересует?

Маттео лукаво прищурился, сделав шаг ближе к дивану, и оперся ладонью о спинку рядом с моим плечом:

— Да брось, Диана. Мне безумно интересно, как выглядят эти ваши российские города! Бескрайние снега, медведи с балалайками, мрачные панельки, о которых пишут в голливуд-

ских боевиках? Я ведь никогда не был в России. Эйдан вечно держит меня в Англии или на Сицилии. Расскажи хоть ты, разбавь эту тоску.

Его поведение было настолько разительно не похоже на манеры Эйдана, что я невольно усмехнулась, чувствуя, как градус напряжения в крови немного падает.

— Ты никогда не был в России? — скептически изогнула я бровь. — И судя по тому, как ты с порога начинаешь допрос и засыпаешь меня вопросами... ты, должно быть, страшный бабник, Маттео.

Маттео театрально ахнул. Его глаза расширились от притворного шока. С легким стоном он драматично приложил обе ладони к груди, прямо поверх черных крыльев ангела на сердце, словно его смертельно ранили в самое больное место.

— Оу, боже мой! Как ты могла?! — с наигранной болью в голосе воскликнул он, закатывая глаза. — Бабник?! Я?! Да я само воплощение рыцарства и благородства! Я к каждой девушке отношусь с трепетом и уважением, а не использую их ради мимолетной прихоти! Мое сердце — чистейший храм!

Я не выдержала и тихо рассмеялась. Этот его актерский этюд был настолько комичным на фоне мрачных стен особняка, что заставил меня впервые за много дней искренне улыбнуться. Маттео тут же опустил руки, подмигнул мне и расплылся в довольной ухмылке:

— Вооот! Улыбка тебе к лицу, принцесса. А то сидела тут бледная, как привидение.

Он выпрямился, поправил золотую цепь на шее и направился к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Ладно, Диана, было приятно познакомиться, — бросил он через плечо, взбираясь по ступеням. — Эйдан сказал мне перед отъездом заехать сюда и иногда приглядывать за тобой, пока он занят своими важными мафиозными делами. Так что, если этот зануда будет слишком сильно давить на тебя своей мрачной аурой — жалуйся мне. Я научу тебя, как портить ему нервы.

С этими словами Маттео скрылся на втором этаже, хлопнув дверью своей комнаты. Я осталась стоять в гостиной, чувствуя, как странное тепло разливается по груди. Появление этого наглого, обаятельного блондина с ангельскими крыльями на груди внесло живую струю в удушающую атмосферу загородного убежища, впервые заставив меня почувствовать, что жизнь продолжается даже на краю пропасти.

ГЛАВА 30

Утро началось не с привычной, ставшей уже почти родной тишины загородного дома, и даже не с монотонного, усыпляющего стука лондонского дождя по панорамным стеклам моей спальни. Оно началось со стихийного бедствия.

Я резко вынырнула из зыбкого, беспокойного полусна, в котором мне снова грезились смутные очертания ушедшего прошлого. Моё сознание еще не успело зафиксировать реальность, когда барабанные перепонки содрогнулись от оглушительного, вибрирующего баса. Пол под моей кроватью буквально ходил ходуном, а стены из темного бетона, казалось, мелко дрожали в такт какому-то безумному, агрессивному ритму. Это была не просто громкая музыка — это был тяжелый, напористый гибрид мрачного фонка и классического тяжелого рока. Тяжелые гитарные риффы переплетались с грязными, давящими электронными басами, раскатываясь по коридорам особняка подобно грому.

— Что за... — прохрипела я в подушку, затыкая уши руками.

Но это не помогло. Вибрация проникала под кожу, заставляя зубы мелко постукивать. Всклокоченная, злая и окончательно потерявшая остатки сна, я рывком отбросила шелковое одеяло. В этот момент я напрочь позабыла о том, как выгляжу: мои русые волосы были растре-

паны, на мне была лишь легкая, свободная пижама нежно-розового цвета из тонкого хлопка на бретельках, а на ногах не было даже тапочек.

Схватив со стеклянной тумбочки телефон, чтобы проверить время — экран показывал без четверти восемь утра, — я вихрем вылетела из спальни. Злость, смешанная с крайним изумлением, вела меня вперед. Кто посмел устроить этот безумный рейв в доме, который Эйдан позиционировал как самое скрытное и безопасное место в Англии?

С каждым шагом вниз по широкой мраморной лестнице музыка становилась всё более невыносимой. Звук доносился из восточного крыла — с кухни. Я ворвалась в кухонное помещение, уже готовая высказать всё, что думаю об этом утреннем концерте, но слова мгновенно застряли у меня в горле. Моя челюсть буквально отвисла от шока, а глаза округлились. Посреди стерильно чистой, высокотехнологичной кухни из темного камня и стали танцевал Маттео. Младший брат серьезного, всегда собранного и пугающего Эйдана Адамса сейчас устроил настоящее кулинарное шоу одного актера. На нем были свободные серые спортивные штаны и простая белая майка-алкоголичка, которая ничуть не скрывала черные крылья ангела, раскинувшиеся по всей его груди, и змею на шее. В правой руке он держал деревянную лопатку, используя её вместо микрофона, а левой придерживал ручку сковороды, на которой аппетитно скворчал пышный омлет с томатами и зеленью.

Маттео двигался невероятно пластично и уверенно, качая головой в такт бешеному ритму фонка, крутя бедрами и делая эффектные выпады в сторону кухонного острова. Было видно, что он получает от этого процесса колоссальное удовольствие.

Я замерла в дверном проеме, прижав ладонь к губам. Моя первоначальная злость мгновенно испарилась, сменившись желанием рассмеяться. Я изо всех сил пыталась подавить смех, но мои плечи мелко дрожали от беззвучного смеха. Это зрелище было слишком сюрреалистичным для сурового мафиозного убежища.

Вдруг Маттео, совершая очередной круговой оборот с лопаткой в руке, заметил меня. Он ничуть не смутился и не выключил музыку. Напротив, его карие глаза весело блеснули, а наглая, обезоруживающая ухмылка стала еще шире. Он плавно убавил громкость на сенсорной панели кухонного гарнитура — бас перестал давить на черепную коробку, сменившись приятным, глухим фоновым звучанием, — и звонко, по-разбойничьи присвистнул:

— Оу, принцесса! Какое радужное утро! Не думал, что мое скромное кулинарное искусство заставит тебя прибежать ко мне в одной пижаме. Я польщен, честное слово. Тебе безумно идет этот розовый цвет, он чертовски красиво подчеркивает твои глаза.

Я мгновенно вспомнила, что стою перед ним босиком и в легкой пижаме. Мои щеки тут же обдало густым, палящим румянцем. Я фыркнула, поспешно скрестив руки на груди, чтобы хоть как-то прикрыться, и постаралась придать своему голосу максимум строгости:

— Маттео! Ты с ума сошел?! Время еще восьми нет! У меня чуть сердце не остановилось от твоих басов! Стены дрожат! Ты не мог сделать потише?

Маттео легко рассмеялся, аккуратно перекладывая готовый омлет на тарелку. От блюда поднимался потрясающий пар, пахнувший базиликом и чесноком.

— Ну прости, Диана, — он театрально поклонился, прижав лопатку к груди. — Но в этом сером, тусклом и унылом мире нужно всегда жить на максимальной громкости и оптимистично! Иначе туман Лондона сожрет твою душу. Музыка — это лучший способ разогнать кровь по жилам. Хочешь омлет? Я приготовил с запасом.

Я покачала головой, всё еще пытаюсь справиться со смущением, и огляделась по сторонам. Кухня была пуста, за исключением нас двоих.

— А где Эйдан? И Марк? — тихо спросила я.

Мой голос невольно стал более мягким и тревожным. Я не видела Эйдана со вчерашнего утра. Маттео взял вилку, присаживаясь за кухонный остров, и сделал глоток сока:

— Укатали в город еще в шесть утра. Какие-то срочные терки в Сити. Отец Винсент требует личного присутствия Эйдана на совете, а Марк поехал как его тень. Не переживай, они вернутся только к вечеру. Так что сегодня я твой личный аниматор и телохранитель в одном флаконе.

Я закатила глаза, изо всех сил стараясь скрыть улыбку:

— О боже... Спаси меня от этого телохранителя.

— Эй! Я вообще-то отлично справляюсь! — крикнул Маттео мне вслед, когда я развернулась и быстрыми шагами направилась обратно к лестнице. — Жду тебя на завтрак через десять минут, принцесса! И надень что-нибудь менее... будоражащее сознание!

Вернувшись в свою комнату, я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Сердце всё еще весело колотилось в груди. Появление Маттео действительно разбавляло ту удушающую атмосферу горя, в которой я тонула последнюю неделю.

Я подошла к шкафу, выбрала удобные серые спортивные штаны и свободную черную футболку Эйдана, которую я тайком стащила с его полки — она пахла его кожей и парфюмом, даря мне чувство незримого присутствия любимого человека.

Причесав свои русые волнистые волосы и собрав их в свободный пучок, я спустилась обратно на кухню. Маттео уже заканчивал свой завтрак, что-то увлеченно просматривая в телефоне. Увидев меня, он одобрительно кивнул:

— Вот, теперь ты похожа на человека, готового к обороне. Садись, ешь.

Я вежливо отказалась от его омлета и подошла к огромному двух дверному холодильнику. Достав контейнер с моим любимым легким салатом из зелени и авокадо, приготовленным Еленой, и налив стакан прохладного яблочного сока, я устроилась на противоположном конце кухонного острова.

Маттео молча и внимательно наблюдал за мной своими карими глазами. В его взгляде больше не было той наглости — он смотрел на меня с каким-то глубоким, аналитическим интересом. Я понимала, что под маской веселого бабника скрывается очень умный и опасный парень, который обещал Эйдану беречь меня.

Покончив со своей порцией, Маттео поднялся, взял пульт от встроенной аудиосистемы дома и нажал пару кнопок:

— Перевожу вещание в гостиную. Не буду мешать тебе хрустеть травой в тишине.

Музыка на кухне мгновенно затихла, и из динамиков в гостиной послышались приглушенные, расслабляющие ритмы инди-рока. Маттео подмигнул мне и вальяжной походкой скрылся в дверном проеме.

День пролетел незаметно. Я провела его в библиотеке, погруженная в чтение старого французского романа, стараясь не думать о том, что сейчас делает Эйдан в Лондоне и насколько близко к нам подобралась опасность.

Около восьми часов вечера, когда за окнами моей комнаты уже стояла непроглядная, глухая ночь, а дождь с новой силой забарабанил по стеклам, в дверь тихо постучали.

— Да, войдите, — отозвалась я, отрываясь от книги.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Маттео. На нем была черная шелковая пижама, расстегнутая у горла, а в руках он держал новенькую, еще глянцевую колоду карт.

— Ну что, принцесса, скучаешь? — его глаза азартно блеснули. — Эйдана всё еще нет, Марк тоже где-то завис. Предлагаю разбавить этот унылый вечер интеллектуальным поединком. Сыграем в карты? В нашего, классического «Дурака»?

Я удивленно приподняла брови:

— В «Дурака»? Ты умеешь играть в русскую карточную игру?

— Обижаешь! — Маттео вошел в комнату, бесперемонно усаживаясь прямо на пушистый ковер у камина и жестом приглашая меня спуститься к нему.

— Я три года прожил на Сицилии, а там карты — это вторая религия после пасты. К тому же у нас в Синдикате часто играют с русскими партнерами. Так что правила я знаю отлично. Давай, Диана. На интерес. Кто проигрывает — выполняет любое мелкое желание победителя. Без пошлостей, обещаю.

Я нехотя, но всё же согласилась. Сидеть одной в четырех стенах и накручивать себя мыслями о родителях было выше моих сил. Я спустилась на ковер напротив него, скрестив ноги. Маттео с тихим, приятным шелестом мастерски перетасовал колоду. Его длинные пальцы двигались с профессиональной беглостью — я невольно засмотрелась на то, как ловко он раздавал карты.

— Твои шесть, мои шесть, — проговорил он, переворачивая последнюю карту на ковре. — Козырь — пики. Твой первый ход, принцесса. Показывай свои богатства.

Я заглянула в свои карты. Расклад был неплохим: козырная дама, пара десятков и девятка. Мой инженерный склад ума мгновенно включился в работу. Для меня карты были не просто игрой на удачу — это была чистая математика, расчет вероятностей и логика. Я сделала первый ход с простой семерки бубен.

— Хм, осторожничаешь, — прищурился Маттео, легко покрывая мою карту валетом. — А я пойду с козырей. Ходи еще.

Следующий час пролетел как одна минута. Мы увлеклись игрой настолько, что забыли обо всем на свете. Маттео оказался невероятным соперником — он постоянно блефовал, строил забавные гримасы, пытался запутать меня своими шутками и разговорами, но моя логика и математический расчет каждый раз разбивали его планы.

— Да как ты это делаешь?! — воскликнул Маттео, когда я в очередной раз эффектно «подкинула» ему козырного туза, заставляя его забрать всю кучу карт с ковра.

Он схватился за голову, драматично падая спиной на ковер.

— Ты жульничаешь, Диана! Ты просчитываешь карты!

— Никакого жульничества, Маттео, — я довольно рассмеялась, собирая свои карты. — Чистая инженерия и теория вероятностей. Ты слишком предсказуем в своих блефах.

— Ах так?! Ну держись, сейчас я отыграюсь! — он резко сел, с азартом сдавая новую партию.

В этот момент в глубине коридора первого этажа раздался тихий, знакомый шелчок открывающейся двери. Я замерла, прислушиваясь. Тяжелые, размеренные шаги Эйдана донеслись с лестницы. Маттео тоже затих, повернув голову в сторону приоткрытой двери моей комнаты.

Через пару секунд в проеме показался Эйдан. На нем было темное кашемировое пальто, плечи которого блестели от капель дождя, а лицо выглядело уставшим и бледным после тяжелого дня в Сити. Но когда он заглянул в комнату и увидел нас с Маттео, сидящих на полу среди разбросанных карт, его жесткий взгляд мгновенно потеплел.

Он остановился в проеме, опираясь плечом о косяк двери. Эйдан смотрел на меня — на мою легкую, искреннюю улыбку, на то, как расслабленно я сижу. В его глазах отразилось такое немыслимое облегчение, словно само моё возвращение к жизни было для него величайшей победой. Он не стал заходить в комнату и портить наш теплый момент. Лишь мягко, понимающе улыбнулся Маттео, выражая брату немую благодарность за то, что тот смог вернуть мне улыбку.

— Рад видеть, что вы не скучаете, — тихо, глубоким бархатным голосом произнес Эйдан. — Я поднимусь в кабинет, нужно разобрать бумаги с Марком. Спокойной ночи, моя лилия.

— Спокойной ночи, Эйдан, — мягко ответила я, провожая его взглядом.

Он кивнул нам и бесшумно направился в свое восточное крыло. Маттео посмотрел на закрывшуюся дверь, а затем повернулся ко мне, подмигнув:

— Ну что, принцесса, продолжим? На этот раз я точно оставлю тебя в дураках.

Я улыбнулась, беря свои карты, и в эту ночь мне впервые за долгое время не снились кошмары.

ГЛАВА 31

Новый день начался медленно, приветствуя меня свинцовой мглой за панорамным окном гостевой спальни. На часах было ровно пять утра. Я лежала на спине, уставившись в абсолютно темный потолок, с открытыми глазами, чувствуя, как внутри меня бушует невыносимый, расплавленный коктейль из чувств.

Сна не было ни в одном глазу. Вчерашний вечер, проведенный за картами с наглым и обаятельным Маттео, подарил мне несколько часов иллюзорного покоя, но стоило мне остаться одной в тишине комнаты, как реальность вернулась с удвоенной силой. Память снова подбросила мне те самые образы: смерть родителей, страх в темной подворотне, шрамы на спине Эйдана и его глубокие, полные неизбывной боли карие глаза, когда он признался мне в любви.

Мысли крутились в голове назойливым роем. Я ворочалась с боку на бок, но прохладные шелковые простыни не приносили облегчения. Воздух в комнате казался слишком сухим, удушливым, давящим на грудную клетку. Мне нужно было увидеть его. Эта потребность возникла внезапно, прорвав все внутренние барьеры и сомнения. Я хотела убедиться, что он рядом, что он в безопасности, что его жесткий мир хотя бы на секунду отступил перед нами.

Я откинула одеяло и бесшумно опустила босые ноги на прохладный паркет. На мне была простая длинная хлопковая майка свободного кроя и легкие шорты. Волосы рассыпались по плечам темными, спутанными волнами.

Не зажигая свет, я тихо приоткрыла дверь спальни и выскочила в темный коридор загородного особняка. В доме царила глубокая тишина. Охранные датчики и камеры беззвучно мигали тусклыми зелеными огоньками в углах потолков.

Мои шаги по мрамору и коврам были абсолютно неслышными. Я направлялась к восточному крылу особняка — туда, где располагался личный кабинет Эйдана. Когда я подошла к массивной дубовой двери его кабинета, я заметила тонкую, золотистую полоску света, пробивавшуюся снизу из-под дверного проема. Значит, он не спал. Или, возможно, вернулся из ночной поездки.

Я замерла в нерешительности, прислушиваясь. Из-за тяжелой двери не доносилось ни звука — ни голосов, ни музыки. Лишь тишина. Дрожащими пальцами я слегка подтолкнула ручку. Дверь бесшумно подалась вперед, приоткрываясь на несколько сантиметров.

Кабинет Эйдана встретил меня густым, осязаемым полумраком, который рассеивал лишь мягкий свет настольной лампы с зеленым абажуром и живые языки пламени, лениво догорающие в глубоком камине. Воздух в комнате был пропитан ароматом дорогих сигар "Cohiba", горьковатого дубового виски, сухой кожи и его фирменного терпкого парфюма с нотами табака, и прохлады.

Эйдан сидел за массивным письменным столом из черного ореха. На нем не было пиджака или рубашки — он сидел в одних темных брюках, а его широкие, рельефные плечи и спина были полностью обнажены. В тусклом свете камина старые шрамы на его спине казались серебристыми дорожками.

Он сидел, низко склонив голову над какими-то документами и чертежами портовых складов, зажав между пальцами тяжелый стакан с янтарной жидкостью. Я затаила дыхание, боясь спугнуть эту звенящую, уязвимую минуту его одиночества. Но стоило мне сделать шаг за порог, как половица под моим босым пальцем едва слышно скрипнула. Эйдан мгновенно отреагиро-

вал с грацией хищника, уловившего движение в темноте. Его тело напряглось, рука рефлекторно дернулась к ящику стола, где лежало оружие, а его темный взгляд метнулся к двери. На секунду в его глазах мелькнула тень опасности, но, увидев меня, застывшую на пороге в длинной майке и с распущенными волосами, эта маска Волка мгновенно треснула и осыпалась.

— Диана?.. — его голос прозвучал хрипло с нотками чистого изумления.

Он медленно отпустил ящик стола и поднялся из кресла.

— Что ты здесь делаешь в пять утра? Что-то случилось? Кто-то проник в дом?

Я покачала головой, чувствуя, как к горлу подступает ком от того, насколько уставшим и изнуренным он выглядел в этот ранний час. Под его карими глазами залегли глубокие тени, а челюсти были напряжены до предела.

— Никто не проникал, Эйдан, — тихо выдохнула я, делая шаг внутрь кабинета и прикрывая за собой дверь. — Мне... мне не спалось.

Он молча смотрел на меня, не двигаясь с места. В его взгляде читалась такая буря невысказанных эмоций, что у меня внутри всё оборвалось. Я начала медленно подходить к нему ближе, чувствуя тепло, исходившее от его обнаженного торса и горящих дров в камине. Когда я оказалась совсем рядом, я протянула руку и, не спрашивая разрешения, мягко коснулась кончиками пальцев его широкого плеча, а затем медленно провела ими по его спине, ощущая под кожей жесткие рубцы тех самых страшных шрамов. Эйдан судорожно выдохнул. Его глаза потемнели, а мышцы спины под моими пальцами натянулись стальными канатами.

— Зачем ты мучаешь себя по ночам, моя лилия? — его голос дрогнул, в нем прорезалась боль. Он развернулся ко мне лицом. — Ты должна спать, набираться сил... Зачем ты пришла ко мне?

— Потому что я думала о тебе, — честно призналась я, глядя ему прямо в глаза, не скрывая слез, навернувшихся на ресницы. — Я лежала в той огромной холодной комнате и думала о том, через какой ад ты прошел, чтобы защитить меня. О тех шрамах... Эйдан, расскажи мне. Кто оставил их на твоём теле?

Эйдан горько, безрадостно усмехнулся. Он отвел взгляд в сторону камина, а его пальцы судорожно сжали край стола:

— Это... плата за прошлое, Диана. За ошибки, которые совершал не я, но за которые мне приходилось платить. Когда мне было восемнадцать, мой отец, Винсент, решил проучить меня за непослушание и попытку защитить мать. Он приказал своим людям... «напомнить мне моё место» в иерархии клана. Это школа выживания по-адамсовски. Выживаешь — становишься боссом. Умираешь — значит, был слаб.

Мое сердце пропустило удар. Господи... Его собственный отец, человек, который должен был оберегать его, подверг его такому жесточайшему насилию! Не выдержав этой боли, я шагнула к нему вплотную и обняла его за шею, прижимаясь всем телом к его горячей, мускулистой груди. Я уткнулась лицом в его плечо, вдыхая его терпкий запах, и тихо заплакала.

— Тихо, *лилия*... тихо, моя хорошая, — Эйдан тут же обвил мои бедра своими сильными руками, поднимая меня чуть выше, чтобы я могла удобнее прижаться к нему.

Его огромные ладони начали бережно, круговыми движениями поглаживать мою спину.

— Не плачь. Прошу тебя, не трать свои слезы на мое прошлое. Я уже давно ничего не чувствую. Боль ушла. Осталась только ты.

— Ты заслуживаешь любви, Эйдан, — всхлипнула я, целуя его в теплую щеку, а затем спускаясь губами к его челюсти. — Ты не монстр. Ты мой защитник.

От моих прикосновений его дыхание сорвалось. Эйдан резко втянул воздух носом, зарывшись пальцами в мои распущенные русые волосы, и притянул мою голову еще ближе. Его губы нашли мои. Это был не просто поцелуй. Это был пожар, взрыв, долгожданное слияние двух душ, уставших от страха и крови. Его губы обжигали своей жадой, его язык уверенно и властно проникал в мой рот, стирая любые сомнения и страхи. Я обвила его шею руками,

цепляясь за его волосы, отвечая на этот поцелуй со всей страстью, накопившейся за эти адские недели.

Эйдан медленно встал со стула и попятился назад, не разрывая поцелуя, пока его колени не уперлись в край массивного кожаного дивана у камина. Он аккуратно опустил меня на мягкую кожу, нависая сверху всем своим тяжелым, идеальным телом. Его горячие руки скользнули под мою тонкую хлопковую майку, оглашая кожу на талии и ребрах. От каждого его прикосновения по моему телу прокатывались волны дикого, электрического тока. Я чувствовала себя одновременно хрупкой и всемогущей в его руках.

— Диана... — прохрипел он в промежутках между поцелуями, прижимаясь лбом к моему лбу.

Его карие глаза горели лихорадочным, опасным блеском.

— Ты понимаешь, что делаешь? Если ты позволишь мне идти рядом с тобой до конца... пути назад не будет. Я не отпущу тебя никогда, даже если рухнет весь этот проклятый мир.

— Я не хочу назад, Эйдан, — прошептала я, заглядывая ему в глаза.

Я нежно перебирала его каштановые волосы, чувствуя, как глубокое, абсолютное умиротворение наконец-то заполняет каждую клеточку моего израненного сердца.

Он издал низкий, сдавленный стон, в котором смешались нежность, страсть и бесконечная преданность. Его губы снова накрыли мои.

В полумраке кабинета, под успокаивающий треск камина и шум осеннего дождя за окном, наши души нашли друг в друге то самое спасение. Мы были только вдвоем — Волк и его Нежная Лилия, сгорающие в пламени чистой, отчаянной любви.

ГЛАВА 32

Пробуждение на следующий день после нашей с Эйданом ночи было похожим на погружение в абсолютно иную, неведомую мне ранее реальность. Я открыла глаза, ощущая не привычный, сковывающий грудь страх, а глубокое, густое тепло, разливавшееся по каждой клеточке моего тела.

Я лежала в постели, слушая тихий шум осеннего леса за окном. Вся моя кожа до сих пор помнила прикосновения его горячих, сильных рук, шероховатость его ладоней со старыми мозолями и татуировкой волка, трепет его губ. Эта ночь стирала границы между моей бывшей жизнью и той опасной бездной, в которую я погрузилась. Однако затяжная тень горя никуда не исчезла. Стоило мне остаться наедине со своими мыслями, как образ ушедших родителей снова вставал перед глазами. Бледность не сходила с моего лица, а темные круги под глазами подчёркивали общую истощенность. Я превращалась в бледный признак внутри этого огромного, бетонированного особняка в Суррее.

Днем, когда мы сидели на просторной кухне, Эйдан внимательно наблюдал за мной. Он пил свой традиционный черный кофе, опершись бедрами о край мраморного кухонного острова. На нем была темная футболка, подчеркивавшая рельефные плечи, а каштановые волосы казались слегка растрепанными.

Вдруг он поставил чашку на стол, развернулся и вытащил из подсобного шкафа большой, массивный матовый черный мотоциклетный шлем с глубоким темным визором. Он положил его на столешницу прямо передо мной. Я удивленно подняла на него свои глаза:

— Эйдан?... Что это?

— Собирайся, моя лилия, — его губы тронула легкая, едва заметная, но невероятно теплая улыбка.

В его глазах промелькнул мальчишеский, сдержанный задор.

— Мы едем на прогулку. Тебе нужно вырваться из этих четырех стен, подышать настоящим ветром, иначе ты окончательно превратишься в прозрачную тень.

— Но Эйдан... — я поперхнулась горячим напитком от неожиданности, сжимая в пальцах чашку с чаем. — Марк же говорил, что выходить за пределы охраняемого периметра смертельно опасно. Соколов и его люди перерыли весь Ист-Энд... Вдруг нас увидят?

— Соколов ищет тебя в трущобах и бедных кварталах Лондона, а не на частных закрытых дорогах моей семьи, — ответил он твердо, но без тени жесткости.

Он подошел ближе, накрыв мою руку своей ладонью.

— Я сам буду за рулем. Никто, поверь мне, никто на этой земле не сможет подобраться к нам.

Его голос подействовал на меня как гипноз. Спорить с ним было бесполезно, да и, если честно, внутри меня затрепетал сладкий, забытый за эти недели голод по свежему воздуху и свободе.

Через тридцать минут я спустилась вниз. Я переоделась в плотные тёмно-синие джинсы, тёплую водолазку и надела его тяжелую черную кожаную куртку-байкер. Она пахла им — дорогим табаком, замшей и осенней прохладой. Куртка висела на моих хрупких плечах немного мешковато, укутывая меня своей тяжестью и создавая невидимый кокон безопасности.

Эйдан повел меня не к главному выходу, а вниз, по винтовой лестнице в подземный гараж. Гараж особняка впечатлял своими масштабами: идеальный наливной пол из серого камня, мощное светодиодное освещение и стройный ряд тёмных внедорожников. Но посередине зала стоял он — огромный, хищный, запредельно мощный черный мотоцикл класса «круизер» — матовый Harley-Davidson. Его хромированные детали отбрасывали блики под лампами, а массивные колеса говорили о бешеной скорости.

Я робко остановилась в нескольких шагах, сглатывая ком в горле. Мое сердце заколотилось у самого горла. Я никогда в жизни не ездила на мотоциклах. Для меня это казалось чем-то безумным, вибрирующим и неуправляемым.

Эйдан же в свою очередь надел кожаный костюм. Он выглядел в нем как настоящий ночной дьявол — высокий, с широким разворотом плеч, излучающий силу и абсолютный контроль. Заметив мою растерянность и страх, он мягко улыбнулся, подошел ко мне и взял шлем.

— Не бойся, — прошептал он, накрывая мою голову тяжелым шлемом.

Он бережно застегнул ремешок под моим подбородком, проверив фиксацию.

— Я никому и ничему не позволю причинить тебе боль.

Он опустил темный визор своего шлема. В наушниках встроенной гарнитуры раздался его низкий, вибрирующий голос:

— Забирайся позади меня, Диана. Обними меня за талию так крепко, как только сможешь. И не отпускай. Если станет страшно — просто зажмурься и прижмись к моей спине.

Я кивнула, чувствуя, как адреналин начинает закипать в крови. Эйдан легко перекинул длинную ногу через сиденье мотоцикла. Я забралась следом за ним, нащупав подножки, и изо всех сил обняла его за талию. Мои пальцы вцепились в плотную кожу его куртки. Я ощутила стальную твердость его торса и ровное, глубокое дыхание.

Эйдан повернул ключ зажигания и нажал кнопку стартера. Могучий мотор Harley-Davidson взревел с таким оглушительным, рыкающим басом, что звук эхом отозвался в моих ребрах. Мотоцикл задрожал под нами, наполняясь бешеной энергией. Эйдан включил первую передачу, и автоматические стальные ворота подземного гаража медленно поползли вверх, открывая путь в дождливую осеннюю серость.

Мы выскочили на лесную дорогу подобно черной молнии. Первые секунды были наполнены чистым, диким ужасом. Мотоцикл набрал огромную скорость за доли секунды. Встречный холодный поток ветра бил в грудь и шлем, деревья и сосновые лапы проносились мимо нас стремительным, размытым зеленым калейдоскопом. Дорога извивалась по холмам Суррея,

и на каждом повороте Эйдан плавно заваливал тяжелую машину набок, выверяя угол с хирургической точностью.

Я крепко зажмурилась, уткнувшись лицом в его куртку между лопаток. От него веяло жаром, уверенностью и полной невозмутимостью. Я слышала, как ровно и ритмично бьется его сердце. Постепенно перворожденный страх начал отступать. Ему на смену пришло совершенно неизвестное мне ранее, дикое и пьянящее чувство абсолютной свободы. Я осторожно открыла глаза.

Мы мчались по узкой серпантинной дороге, огибая туманные холмы. Осенние листья срывались с деревьев и кружились за нами в бешеном вихре. Встречный ветер уносил прочь из моей головы удушающие мысли о смерти, о мафии, о Братве и о прошлом.

Я ослабила хватку, просто ласково обнимая его за талию и чувствуя, как на моих губах под шлемом появляется первая настоящая, легкая улыбка.

— Нравится? — раздался в наушниках его бархатный голос.

— Это... это невероятно, Эйдан! — выдохнула я.

Он тихо рассмеялся — глубоким, грудным смехом — и еще сильнее прибавил газ.

Мы ехали около сорока минут, углубляясь в закрытые частные владения, куда не имела доступа ни одна посторонняя машина. Наконец мотоцикл сбавил ход, сворачивая на старинную аллею, выложенную потемневшим брусчатым камнем и обсаженную вековыми дубами. Впереди, сквозь густую пелену тумана, выросли контуры огромного, завораживающего здания. Это была величественная викторианская оранжерея XIX века, построенная из кованого черного железа и тысяч панорамных стекол. Ее арочные своды и высокие купола были увиты диким виноградом и плющом. Здание смотрелось посреди осеннего сада как сказочный замок хрустального короля.

Эйдан заглушил двигатель. Мощный гул мотора стих, уступая место звонкой, правильной тишине осеннего леса и тихому шелесту листвы. Мы сняли шлемы. Я выдохнула, растрепав свои волосы, и с немым восторгом уставилась на оранжерею.

— Боже мой... Эйдан, где мы? — тихо прошептала я.

Эйдан слез с мотоцикла, снял куртку и протянул мне руку, помогая аккуратно спуститься. Он провел пальцами по своим растрепанным каштановым волосам и окинул здание теплым взглядом.

— Это закрытая оранжерея моей семьи, — ответил он, ведя меня за руку к высоким стеклянным дверям. — Ее построил мой прадед еще в начале прошлого века. Сюда никто не приезжает, Диана. Ни люди Винсента, ни посторонние. Здесь о ней знают только садовники, которые поддерживают микроклимат. Я хотел показать тебе это место.

Он подошел к стальной панели управления у дверей и ввел длинный цифровой код. Тяжелые стеклянные створки с тихим шипением разъехались в стороны. Мы шагнули внутрь. После прохладного осеннего воздуха оранжерея встретила нас совершенно иным микроклиматом. Здесь было влажно, невероятно тепло, а воздух пах густой сырой землей, тропическими растениями и чем-то ослепительно свежим.

Мы прошли через первый зал с гигантскими папоротниками и пальмами, поднялись по нескольким ажурным чугунным ступеням и вышли в центральный, самый огромный купольный зал.

Я замерла на месте. Моя рука выпала из ладони Эйдана, а из груди вырвался восхищенный выдох. Под огромным стеклянным куполом, сквозь который пробивался мягкий свет уходящего дня, простирался бескрайний, колышущийся океан **белых лилий**. Тысячи, десятки тысяч ослепительно-белых, безупречных цветов распускались на аккуратных каменных клумбах. Их изысканный, глубокий, сладковатый аромат заполонил весь зал, создавая ощущение

полного погружения в сказку. Лепестки лилий переливались в тусклом свете, словно сделанные из чистейшего фарфора.

— Эйдан... — прошептала я, чувствуя, как к глазам снова подступают слезы — но на этот раз это были слезы чистого, ослепительного счастья. — Они... они потрясающие.

Я медленно пошла вдоль клумб, касаясь кончиками пальцев нежных, шелковистых лепестков. Эйдан бесшумно подошел ко мне сзади. Он обнял меня за талию, прижимаясь своей грудью к моей спине, и уткнулся носом в мои волосы, вдыхая их запах.

— Ты — моя *Нежная Лилия*, Диана, — тихо, пронзительно произнес он прямо мне на ухо. — И когда я видел, как ты угасаешь в том бетонированном особняке... я пообещал себе, что привезу тебя сюда. Я хотел, чтобы у тебя было свое место. Твой личный сад, где не существует войны, крови и долгов. Где есть только ты и эти цветы.

Я повернулась в его руках, взяла его лицо в свои ладони и посмотрела ему прямо в карие глаза.

— Спасибо тебе, Эйдан, — прошептала я, целуя его в губы — долго, нежно, со всей искренностью, на которую была способна. — Спасибо за то, что возвращаешь меня к жизни.

Он ответил на поцелуй с трепетной страстью, прижимая меня к себе посреди этого океана белых цветов. В этот вечер под стеклянным куполом оранжереи я окончательно поверила, что наша любовь сможет победить любой ад.

ГЛАВА 33

Мрачный полумрак закрытого элитного клуба "Archangel" в Мэйфэйр давил на органы чувств с привычной силой. Воздух здесь был насквозь пропитан тяжелыми ароматами селективного парфюма, дорогих сигар, старого бархата и прохладного шотландского виски.

В дальнем углу бордового зала тихо наигрывал джазовый пианист, заглушая звон хрустальных бокалов, в которых верхушка британского криминального мира заключала сделки на десятки миллионов фунтов. Эйдан сидел в глубоком кожаном кресле за дальним столиком на втором ярусе. Он не притронулся к бокалу с виски, стоящему перед ним. Его правая рука с татуировкой волка лежала на подлокотнике, а карие глаза с острым разрезом холодно и отрешенно сканировали первый этаж.

Тяжелые шаги за спиной возвестили о появлении Винсента Адамса. Адамс-старший в своем безупречном зеленом костюме, с крупными золотыми перстнями на мозолистых пальцах, вальяжно опустился на стул напротив сына. Он небрежно поправил темные волосы, бросил тяжелый взгляд на охрану, приказывая тем отойти на десять шагов, и наконец устремил на Эйдан свой пронзительный, испытывающий взгляд.

— Ты заставил меня ждать, сын, — начал Винсент без предисловий, его голос звучал сухо и властно. — В последнее время ты слишком часто пропадаешь из поля зрения. Клуб в Мэйфэйр тебя больше не интересует? Портовые поставки на севере идут со сбоями, а твои люди докладывают, что тебя неделями не видят в Сити.

Эйдан сохранял абсолютное внешнее спокойствие. На его лице застыла непроницаемая маска — ни единый мускул не дрогнул под жестким прессингом отца.

— У меня были дела, отец, — ровным, без эмоциональным тоном ответил Эйдан. — Я подчищал хвосты после русских.

Винсент прищурился, затягиваясь сигарой и выпуская сизый дым в сторону сына:

— Русские... Да, этот Соколов поднял на уши весь Ист-Энд в поисках тех беглецов из Петербурга. Инженера Смирнова и его семьи. Но меня беспокоит другое, Эйдан. До меня доходят странные слухи. Говорят, твой автомобиль часто видят на трассах, ведущих в графство Суррей. В глухом лесу, где у нашей семьи есть старый заброшенный бункер.

Сердце Эйдана в груди сделало тяжёлый удар, но внешне он даже не моргнул. Он спокойно переложил руку, скрестив пальцы на столе.

— Слухи — это всего лишь слухи, отец, — холодно ответил он. — В Суррее я проверял наши старые узлы связи. Тебе незачем беспокоиться.

Винсент долго молчал, изучая лицо сына, пытаясь найти в нем хоть трещину, хоть намек на ложь. Но Эйдан был идеальным творением своего отца — хладнокровным, расчетливым убийцей, который впитал мафиозные законы с молоком матери.

— Смотри мне, Эйдан, — наконец произнес Винсент, наклоняясь ближе через стол и понизив голос до опасного шёпота. — Клан Адамс не прощает предательства. Если я узнаю, что ты скрываешь от меня должников или покрываешь кого-то... последствия будут самыми жесткими. Тебе памятливы шрамы на твоей спине? Я могу освежить их.

Внутри Эйдана взметнулась волна ярости, но он подавил её на самом корню, ответив отцу ледяной, безупречной ухмылкой:

— Не беспокойся за меня, отец. Смирновых больше нет. Русские сами расправились с ними пару дней назад в Ист-Энде. Вопрос закрыт.

Винсент облегченно откинулся на спинку кресла, удовлетворенно кивнув:

— Вот и отлично. Наконец-то ты начал думать головой Синдиката. Занимайся портами, Эйдан. Скоро нам понадобятся новые люди для серьезной игры.

Эйдан коротко кивнул в ответ, поднимаясь из-за стола. Он развернулся и зашагал к выходу из клуба, чувствуя, как по спине струится холодный пот. Он только что солгал самому опасному человеку Лондона, поставив на кон не только свою жизнь, но и жизнь Дианы. И он знал: у него оставались считанные дни до того момента, как ложь вскрыется окончательно.

ГЛАВА 34

В субботу вечер выдался сырым, промозглым и на редкость угрюмым. Эйдан уехал в Лондон еще в обед — Винсент срочно вызвал его на совет клана в клуб "Archangel". Эйдан очень не хотел уезжать, его карие глаза были темнее тучи, но отказаться было нельзя, чтобы не вызывать лишних подозрений у отца. Он оставил меня под жесткой, усиленной охраной Марка и Маттео.

После сытного ужина, который Маттео приготовил на кухне, постоянно шутя и развлекая меня историями о своем детстве на Сицилии, мы разошлись по комнатам. Маттео поднялся к себе на второй этаж играть в консоль, Марк остался на первом этаже у мониторов наблюдения, а я ушла в свою гостевую спальню.

Я сидела у окна в глубоком кресле, накинув на плечи тёплый плед, и листала старый архитектурный журнал. За окном накрапывал мелкий дождь, шурша по сосновым иглам. В доме царила умиротворяющая тишина.

Вдруг всё изменилось за какую-то долю секунды. Звонящую тишину особняка разорвал дикий, режущий уши вой аварийной сирены. Звук был настолько громким и агрессивным, что я от неожиданности подскочила в кресле, уронив журнал на паркет. В ту же секунду обычное освещение в комнате погасло, и включились алые, мигающие со стробоскопической частотой аварийные лампы. Вся спальня пульсировала кроваво-красным светом. Мое сердце мгновенно ухнуло куда-то в пятки, кровь в жилах застыла. Страх — тот самый животный, ледяной ужас — вернулся с новой силой.

Не успела я сделать и шага к двери, как она вылетела от мощного, таранящего удара. В спальню ворвался Марк. Он выглядел абсолютно иначе, чем в университете: поверх черной водолазки на нем был надет тяжелый тактический бронежилет с подсумками для магазинов,

на бедре висела кобура, а в руках он с железной уверенностью держал укороченный автомат с глушителем. Его серые глаза были абсолютно бесстрастными, плоскими и холодными.

— Диана, в бункер! Быстро! — прорычал он голосом, в котором звучит стальной приказ.

Он перехватил меня за локоть и буквально волоком потащил через комнату к противоположной стене. Там, за большим настенным гобеленом, скрывалась потайная стальная дверь скрытой панической комнаты.

— Марк! Что происходит?! — закричала я в истерике, цепляясь за его бронежилет. — Это они?! Это Соколов?!

— Периметр пробит, — отрезал Марк, откидывая гобелен и быстро набивая пальцами восьмизначный код на цифровой панели замка. — Тепловые датчики в лесу зафиксировали движение. Три черных внедорожника без номеров выбили северные ворота и движутся прямо к дому. Работают профессионалы.

В этот момент со стороны коридора раздался топот тяжелых ботинок. В комнату вбежал Маттео. Он был в спортивных штанах и майке, открывавшей его черные крылья на груди, но в руках он сжимал два тяжелых пистолета Glock. На его челюсти заиграли желваки, а на правой щеке уже красовалась глубокая кровоточащая царапина от битого стекла.

— Марк! Они уже на первой линии обороны у террасы! — крикнул Маттео, перезаряжая затвор. — Наша охрана приняла бой, но их больше! Наемники Винсента работают группами!

И в эту же секунду снаружи — со стороны сада — прогремел первый оглушительный взрыв. Взрывная волна была такой силы, что панорамные бронированные стекла в моей спальне покрылись крупной паутиной трещин и со звоном вылетели внутрь. По комнате посыпался град стеклянных осколков. Я закричала, закрывая голову руками. Сразу за взрывом частой, сухой дробью затрещали автоматные очереди. Глухие хлопки глушителей, крики на итальянском языке, ругань охраны на английском и звон разбиваемых стекол заполнили весь особняк.

По коридорам пополз сизый, вонючий дым с запахом сгоревшего пороха и копоти.

— Заходи внутри! Живо! — Марк грубо, но бережно затолкнул меня внутрь открывшейся тяжелой стальной двери панической комнаты.

— Нет! Марк! Маттео! Не оставляйте меня здесь! — зарыдала я, пытаюсь удержать дверь пальцами. — Они убьют вас! Пожалуйста!

— Сиди тихо и не издавай ни звука, Диана, — жестко проговорил Маттео, встречаясь со мной взглядом.

В его обычно веселых карих глазах сейчас горел беспощадный огонь воина клана Адамс.

— Что бы ты ни услышала за этой дверью — не выходи. Эйдан уже едет сюда.

Марк нажал кнопку изнутри панели. Тяжелая, полуметровая стальная дверь бункера с глухим гидромеханическим шипением начала закрываться.

— Нет-нет-нет! — кричала я, но последняя щель света исчезла.

Ригели замка встали на место. В панической комнате воцарилась полная, абсолютная, непроглядная тьма. Я осталась одна в маленьком стальном бункере. Воздуха казалось катастрофически мало. Я опустилась на пол, обхватив колени руками, и зажала уши пальцами. Даже сквозь толстенную броню стен до меня доносились вибрирующие эхо-удары: треск автоматов, глухие взрывы гранат и крики умирающих людей.

В этой темноте меня охватил дикий панический приступ. Мое детство, побег из России, гибель родителей и этот ад слились в один кошмар. Я плакала, задыхаясь от всхлипов, и молилась только об одном — чтобы Эйдан успел, и чтобы Маттео и Марк выжили в этой бойне.

ГЛАВА 35

Прошло около двадцати бесконечных, адских минут, которые показались мне вечностью. Внутри стального бункера не было слышно, прекратилась ли стрельба, или бой переместился в глубину дома.

Я сидела на ледяном полу, задыхаясь от паники и собственного рыдания. Вдруг тяжелая стальная дверь сейфа вздрогнула. Гидравлика сработала, и тяжелая дверь медленно поползла в сторону. В темноту панической комнаты ворвался сизый, едкий дым с резким запахом пороховой гари, сгоревшей пластмассы и свежей крови.

Я зажмурилась от резкого света. В проеме двери стоял Маттео. Он выглядел жутко: его белая майка была пропитана копотью и темно-красными пятнами крови, на руках виднелись ссадины, а в глазах горел дикий, взвинченный адреналин. Он держал пистолет наготове, сканируя комнату.

— Диана! Выходи! Быстро! — рявкнул он, хватая меня за руку и буквально вытягивая из бункера.

Я выскочила в свою спальню и обомлела. Комнаты больше не было. Панорамное окно было полностью уничтожено, занавески сгорели, стены были испещрены сотнями пулевых отверстий, а на паркете валялись гильзы и битое стекло. Через проем окна внутрь врвался ледяной осенний дождь.

— Держись за меня и не смотри по сторонам! — приказал Маттео, утягивая меня за собой в коридор.

Но не смотреть было невозможно. Загородный особняк в Суррее превратился в зону боевых действий. В коридорах висел густой дым, мигали аварийные красные лампы. На мраморном полу, залитом темно-бордовой кровью, лежали тела трех итальянских наемников в черных куртках и двух охранников Адамса. У меня к горлу подступила тошнота, ноги подкосились, но Маттео жестко волок меня дальше к служебной лестнице.

Мы спустились в подземный гараж. Там стоял рев мотора. Бронированный черный внедорожник Mercedes G-Class уже работал на повышенных оборотах. За рулем сидел Марк. Его руки были испачканы в копоты и крови, но лицо оставалось ледяным. Он судорожно загонял новые магазины в автомат.

В этот момент двери лифта гаража с грохотом раскрылись, и оттуда выбежал Эйдан. Он был вне себя от обезумевшей, зверской ярости. Он не успел на начало штурма — мчал из Лондона на бешеной скорости, ломая все правила. На нем не было пиджака, белая рубашка была порвана на груди, а на левом плече расплывалось темное, быстро растущее кровавое пятно — он пробивался сквозь остатки нападавших у ворот и получил касательное ранение.

Увидев меня, живую и невредимую, Эйдан мгновенно преодолел расстояние между нами. Он наплевал на свою рану, схватил меня в охапку и с такой безумной, отчаянной силой прижал к своей груди, что у меня перехватило дыхание.

— Диана... Господи, Диана... — прохрипел он мне в волосы. Он дрожал от переполнявшего его гнева и облегчения.

— Ты ранен! Эйдан, у тебя кровь! — закричала я, пытаюсь осмотреть его плечо.

— Неважно! Все в машину! Быстро! — рявкнул он, буквально заталкивая меня на заднее сиденье Гелленвагена.

Маттео и Эйдан запрыгнули следом, захлопнув тяжелые бронированные двери.

— Марк, рви! — холодным голосом сказал Эйдан.

Марк утопил педаль газа в пол. Мощный V8 взревел с оглушительным рыком. Бронированный внедорожник сорвался с места, с визгом шин протаранил помятые стальные ворота гаража и вылетел на проселочную лесную дорогу.

За нами в лесу остались догорающие машины и тела. Погони не было — Марк и Маттео уничтожили всю первую волну нападавших. Машина на бешеной скорости мчалась сквозь непроглядную, штормовую ночь. Я сидела на заднем сиденье между Эйданом и Маттео. Меня

всю крупно трясло от пережитого шока, слезы градом текли по щекам. Эйдан одной рукой крепко прижимал меня к своему боку, а второй достал из подлокотника автомобильную аптечку.

— Диана, тихо... Посмотри на меня, милая, — его голос, хоть и оставался жестким от адреналина, звучал для меня самым нежным звуком на свете. — Всё кончено. Мы ушли. Ты в безопасности.

Я дрожащими руками взяла из его аптечки бинт и антисептик. Мои пальцы были в его крови. Я начала аккуратно обработать его рану на плече, пока машина подпрыгивала на ухабах. Пуля прошла по касательной, рассеча плоть, но рана сильно кровоточила.

— Соколов сходит с ума, — глухо произнес Марк с переднего сиденья, не отрывая глаз от дороги. — Он задействовал серьезные ресурсы. Кто-то слил ему координаты Дианы.

— Это не Соколов слил, — прорычал Маттео, вытирая кровь со щеки. — Русские не смогли бы так быстро вычислить эту локацию. Их кто-то навел из Сити. Из Синдиката. Не зря же вместе с ними пришли и итальянцы.

Эйдан сжал кулак так, что костяшки пальцев побелели. В его карих глазах вспыхнул ледяной, страшный огонёк Волка:

— Винсент... Это ищейки отца. Он понял, что я его обманываю, и стравил русских с нашей охраной, чтобы проверить свои догадки.

Я замерла с бинтом в руках. Снова имя его отца. Снова этот монстр из Синдиката, который держит весь город.

— Куда мы едем, Эйдан? — тихо, с замиранием сердца спросила я, завязывая узел на его плече.

Эйдан обнял меня за талию, притягивая к себе и целуя лоб:

— Мы едем в Суссекс, моя лилия. На самое побережье, к скалам. Там у Маттео есть абсолютно чистый, не засвеченный дом, о котором не знает даже мой отец. Там мы переведем дух и подготовим ответный удар.

Я прижалась к его груди, слушая сильный ритм его сердца. Машина неслась сквозь ночной шторм к краю земли, а за нашими спинами догорал наш прежний мир, уступая место окончательной, беспощадной войне.

ГЛАВА 36

Ночь после нападения не закончилась — она просто сменила форму.

Сначала была сирена. Потом — вспышки выстрелов за панорамными окнами, красный свет аварийных ламп, грохот взрыва и стекло, рассыпавшееся по полу. Затем — стальная дверь убежища, за которой я сидела, прижав колени к груди и стараясь не кричать от каждого звука. А теперь был автомобиль, мчавшийся по мокрой трассе, и тёмное пространство за окнами, в котором деревья, дорожные знаки и редкие фонари сливались в одну бесконечную полосу.

Я не могла понять, сколько времени прошло с тех пор, как мы покинули Суррей. Часы на панели показывали почти три ночи, но тело давно перестало различать часы. Для него существовали только усталость, напряжение и ожидание следующего удара.

Я сидела на заднем сиденье, подтянув колени к груди. На мне всё ещё была одежда, в которой я оказалась во время нападения: мягкий домашний свитер, тёмные брюки и чужая куртка, на рукаве которой засохла кровь. Я не знала, чья именно. Возможно, одного из охранников. Возможно, человека, который пытался ворваться в мою комнату. От этой мысли меня снова передёрнуло.

В салоне было тепло, но я никак не могла перестать дрожать. Озноб проходил волнами: сначала мелкая дрожь в пальцах, затем напряжение в плечах, судорожный вдох, который не

получалось довести до конца. Я старалась дышать медленно, как советовала когда-то мама, когда мне снились кошмары. Вдох на четыре счёта. Задержка. Выдох.

Но мама больше никогда не сможет сказать мне, что всё будет хорошо.

Эта мысль возникла внезапно и так ясно, что я вцепилась пальцами в край сиденья. Перед глазами всплыло её лицо — усталое, доброе, немного испуганное. Мамины руки, пахнущие ванилью и мукой. Её голос: *«Солнышко, не забывай поесть»*. Я закрыла глаза, пытаюсь вытолкнуть воспоминание, однако оно осталось внутри, будто заноза.

Рядом со мной сидел Эйдан. Он откинулся на спинку сиденья, но расслабленным не выглядел. Его тело оставалось собранным, словно даже в машине он продолжал ждать нападения. Левая рука была прижата к груди. Рубашка на плече потемнела от крови, а импровизированная повязка давно промокла.

Я смотрела на него украдкой. На его лице не было привычной насмешливой улыбки. Не было мягкости, которую он показывал мне в доме или у моря. Передо мной снова сидел человек, способный за несколько секунд принять решение о чьей-то жизни.

Но теперь я знала: под этой маской он был ранен. И не только физически.

— Тебе больно? — спросила я наконец.

Эйдан повернул голову. В темноте его глаза казались почти чёрными.

— Терпимо. — коротко ответил он мне.

— Это не ответ. — стояла я на своём.

— Тогда да, — сдался Эйдан, понимая, что я от него не отстану. — Больно.

Он сказал это спокойно, без жалобы, словно сообщил о погоде. Именно это спокойствие напугало меня сильнее всего.

— Нужно остановиться и нормально обработать рану.

— Остановимся, когда будем в безопасном месте.

— Ты уже говорил это в Суррее.

Он на секунду замолчал. В его лице промелькнула усталость, а затем взгляд смягчился.

— Я знаю.

С переднего сиденья раздался голос Марка:

— Нам действительно необходимо остановиться.

Марк вёл машину уже несколько часов. Его руки лежали на руле уверенно, однако по напряжённой линии плеч было видно, что усталость добиралась и до него. На приборной панели отражался свет навигации, а рядом лежал планшет с картой дорог и отметками камер наблюдения.

— Мы не можем ехать три дня подряд, — продолжил он. — Это не только физически невозможно. На больших трассах слишком много камер. После нападения Соколов наверняка проверит все направления от Суррея. Винсент тоже может поднять людей.

С пассажирского сиденья отозвался Маттео:

— В двух часах отсюда есть мой пентхаус. Не тот, где я обычно живу, а запасной. Он оформлен через старую сицилийскую компанию. Винсент не знает о нём.

— Насколько он безопасен? — спросил Эйдан.

— Достаточно. Там нет систем Синдиката, нет привычной охраны, нет персонала, который может сдать адрес. Есть три комнаты, кухня, аптечка и запас еды. Для одной ночи хватит.

Марк бросил на него взгляд через зеркало.

— Если квартира действительно чистая, меняем маршрут.

Маттео показал ему дорогу на карте. Машина свернула с основной трассы, затем ещё несколько раз изменила направление. Мы ехали по узким дорогам, между тёмными полями и редкими деревнями. Дождь усилился, и в какой-то момент видимость стала почти нулевой.

Я прижалась лбом к холодному стеклу. В отражении видела собственное лицо: бледное, с покрасневшими глазами и спутанными волосами. Я выглядела не как девятнадцатилетняя студентка, а как человек, который за одну ночь постарел на несколько лет.

— Диана, — тихо сказал Эйдан.

Я повернула голову:

— Что?

— Ты можешь поспать. — нежно добавил он.

Я коротко рассмеялась. Смех вышел сухим и чужим:

— После того, что произошло? Я боюсь закрыть глаза.

Эйдан сжал губы.

— Я понимаю.

— Нет, — ответила я после короткой паузы. — Ты понимаешь, как защищаться. Как убивать. Как планировать. Но ты не понимаешь, каково это — не знать, живы ли твои близкие, пока ты сидишь в машине рядом с человеком, который говорит, что всё под контролем.

Марк ничего не сказал. Маттео тоже замолчал.

Эйдан смотрел на меня несколько секунд, затем опустил взгляд на свою раненую руку:

— Ты права.

Эти два слова выбили из меня злость сильнее, чем любой спор. Я ожидала оправданий, приказов, холодного «тебе лучше не знать». Но он просто признал, что не может почувствовать мою боль полностью.

Через некоторое время мы въехали в закрытый жилой комплекс. Он выглядел неприметно: серое здание с узкими окнами, металлическими дверями и несколькими камерами над въездом. Никаких гербов, мраморных колонн или охраны в костюмах.

Маттео ввёл код на панели у подземного гаража. Ворота открылись. Пентхаус находился на верхнем этаже. Лифт поднял нас почти бесшумно. Когда двери открылись, Маттео первым вышел в коридор и проверил помещение. Только после этого позволил нам войти.

Квартира оказалась совсем не похожей на дом Эйдана. Здесь не было ощущения крепости. Не было тяжёлых дубовых дверей, десятков камер и комнат, похожих на музейные залы. Пентхаус был небольшим, но живым. В гостиной стоял глубокий коньячный диван, на подлокотнике которого лежала смятая толстовка. На стене висели постеры старых рок-групп. Возле окна стояли две электрические гитары, а рядом — коробки с виниловыми пластинками.

На кухне остались кружки, пачка кофе и несколько открытых упаковок хлопьев. В воздухе пахло пылью, деревом и чем-то сладким — кажется, вишнёвым ароматизатором.

— Я здесь почти не бываю, — сказал Маттео, заметив мой взгляд. — Сюда удобно сбегать от семьи, когда хочется пожить человеком.

— У тебя тоже бывает такое желание? — спросила я.

— Постоянно. — он усмехнулся, но улыбка быстро исчезла.

После пережитого нападения Маттео всё ещё держался легко, однако теперь я замечала, как часто он смотрит на окна и двери. Марк сразу занял позицию у окна. Он поднял жалюзи на несколько сантиметров и проверил улицу через небольшой прибор. Эйдан тем временем сел на диван. На его лице выступил холодный пот.

— Эйдан, — сказала я, подходя ближе. — Нужно заняться рукой.

— Диана, ты устала.

— А ты истекаешь кровью.

Он попытался улыбнуться, но получилось плохо.

— Упрямая.

— Зато живая.

Маттео принёс аптечку. Эйдан снял рубашку, и я снова увидела его шрамы. В мягком свете светильников они казались ещё более заметными. Старые рубцы пересекали плечи, грудь и спину. Некоторые были тонкими, почти белыми, другие — грубыми, неровными.

Я старалась не смотреть слишком долго, но не могла отвести взгляд.

— Это касательная рана, — сказал Марк, осматривая плечо. — Пуля прошла по мягким тканям. Кость не задета.

— Значит, повезло, — ответил Эйдан.

— Повезло Диане. Ей не пришлось тащить тебя из леса.

— Я бы не позволил ей.

Я села перед Эйданом на низкий стул. Руки всё ещё дрожали, однако движения становились увереннее. Я осторожно сняла старую повязку. Под ней рана выглядела хуже, чем я ожидала: кожа была рассечена, края воспалились, по плечу тянулись тонкие дорожки крови.

— Не двигайся. — строго сказала я Эйдану.

— Я не двигаюсь.

Эйдан вопросительно посмотрел на меня.

— Ты напрягся.

— Это не движение.

— Для человека, которого обрабатывают, ещё какое.

Маттео тихо хмыкнул у барной стойки.

Я промыла рану антисептиком. Эйдан резко втянул воздух, но не издал ни звука. Его пальцы сжались в кулак.

— Можешь ругаться, — сказала я.

— Не хочу пугать тебя.

— После сегодняшнего ты думаешь, меня напугает ругательство?

Он посмотрел на меня. В его глазах появилось что-то похожее на благодарность.

Я наложила мазь, стерильную салфетку и новую повязку. Когда закончила, мои пальцы были испачканы кровью.

Эйдан перехватил мою руку и поцеловал костяшки:

— Спасибо.

К тому времени часы показывали почти четыре утра. Все были вымотаны. Маттео объяснил, что в квартире только три спальни. В каждой стояла одна кровать.

— Я беру маленькую комнату, — заявил он. — Марк — комнату у входа. Остальным остаётся большая.

— Я могу спать в гостиной, — сразу сказал Эйдан.

— На этом диване? — спросила я. — Ты ранен.

— Именно поэтому я не хочу стеснять тебя.

— А я не хочу, чтобы ты спал на диване с плечом, которому нужен покой.

Он посмотрел на меня внимательнее:

— Ты уверена?

Я не была уверена. Но ещё меньше я была уверена в том, что смогу спокойно уснуть, зная, что он лежит на неудобном диване и делает вид, будто всё в порядке.

— Да.

В спальне было тепло. У стены стоял шкаф, возле окна — кресло с пледом, на прикроватной тумбочке — лампа с матовым абажуром. Постель была застелена тёмно-серым бельём. Комната казалась слишком маленькой для двух людей, которым приходилось скрывать друг от друга слишком многое.

Я долго стояла возле кровати, не зная, что делать. Затем достала из шкафа запасное одеяло, свернула его валиком и положила посередине.

— Это что? — спросил Эйдан.

— Граница.

Он не улыбнулся, не стал шутить. Только осторожно лёг на свою половину, стараясь не задеть рану.

Я легла на другой стороне и сжалась в привычный комок. Так я спала ещё с детства. Когда было страшно, я старалась занимать как можно меньше места. Тогда казалось: если стать маленькой, опасность не заметит.

Эйдан лежал неподвижно, в полумраке комнаты черты его лица казались особенно резкими.

— Диана? — произнёс он хрипло, будто голос ещё не проснулся после долгого сна.

— Да? — отозвалась я, не поворачиваясь.

— Ты всегда так спишь? — он чуть приподнялся на локте, всматриваясь в мой силуэт.

— Как? — в моём голосе скользнула лёгкая настороженность.

— Сжавшись... будто пытаешься стать меньше, спрятаться.

Я на мгновение замерла, будто взвешивая, стоит ли отвечать, а потом тихо пробормотала, по-прежнему отвернувшись к стене:

— Привычка.

Эйдан помолчал, прислушиваясь к ровному, но чуть торопливому ритму дыхания. Потом осторожно протянул руку и чуть коснулся моего плеча — совсем легонько, словно боялся спугнуть.

— От такой привычки спина болеть будет, — сказал он уже мягче, почти шёпотом. — Может, хоть немного развернёшься? Тут места хватит.

Я чуть повела плечом, будто хотела стряхнуть его прикосновение, но не отстранилась.

— Не привыкла, — призналась я едва слышно. — Когда лежишь вот так, кажется, что никто не сможет подкрасться сзади.

Эйдан тихо вздохнул и опустил обратно на подушку, глядя в темноту.

— Тут никого нет, кроме меня, — тихо сказал он. — И я не собираюсь подкрадываться.

Ещё несколько секунд в комнате висела тишина, нарушаемая только тихим шумом ветра за окном. Потом я чуть шевельнулась — не разворачиваясь полностью, но чуть ослабив тугую позу, будто позволила себе чуть больше пространства.

— Ладно, — прошептала я, почти себе под нос.

Он ничего не сказал. Лишь через несколько секунд тихо произнёс:

— Здесь тебе не нужно исчезать.

Я закрыла глаза. От этих слов защипало в носу.

— Спокойной ночи, Эйдан.

— Спокойной ночи, Лилия.

За окном дождь постепенно стихал. В комнате слышалось только дыхание раненого мужчины и моё собственное, неровное, но постепенно успокаивающееся.

Я не знала, что ждёт нас утром. Не знала, сколько ещё домов мы потеряем и сколько людей придётся оставить позади. Но впервые за много часов позволила себе закрыть глаза.

ГЛАВА 37

Утро наступило для меня слишком тихо. В доме была тишина, в которой каждый звук казался инородным и опасным. Спальня в лофт-пентхаусе Маттео встретила меня бледным, сероватым светом рассвета, пробивавшимся сквозь плотные жалюзи. Воздух в помещении был прохладным, сухим и пах чужим пространством — смесью выветрившегося табака, старой кожи, пыли и чистящих средств.

Я открыла глаза, но некоторое время лежала абсолютно неподвижно, боясь пошевелиться. Моё сознание отчаянно цеплялось за остатки сна, симулируя неведение, лишь бы не

сталкиваться с реальностью. Но реальность навалилась на меня тяжёлой плитой уже через секунду. В памяти вспыхнули яркие моменты вчерашнего дня: взрывы в Суррее, крики, запах крови, сожжённый дом и бесконечная ночная дорога.

Я осторожно повернула голову на подушке.

Эйдан спал на своей половине кровати. Наша импровизированная «граница» из скрученного шерстяного одеяла за ночь сместилась, и теперь один её край лежал на моём плече. Он лежал на спине, его дыхание было глубоким, но тяжёлым. Во сне жёсткие черты его лица разгладились, исчезла та привычная ледяная настороженность, которая делала его похожим на хищника перед броском. Тёмные ресницы бросали тени на скулы, а каштановые волосы расстrepались по подушке. На левом плече белела чистая марлевая повязка, сквозь которую кое-где проступал едва заметный розовый контур.

Я смотрела на него, и внутри меня поднималась странная, пугающая смесь нежности и тоски. Этот человек был чудовищем для всего остального мира. Он убивал, он держал в страхе целые районы, он был наследником мафиозной империи, которая разрушила жизнь моей семьи. Но со мной он был другим.

Осторожно, стараясь не издать ни единого звука, я выскользнула из-под одеяла. Мои босые ступни коснулись прохладного деревянного пола. В комнате было зябко, поэтому я плотнее запахнула на себе чужой кардиган Маттео, который пал жертвой моей вчерашней усталости.

На цыпочках я вышла из спальни. В коридоре пентхауса царил полумрак. Из приоткрытой двери комнаты Марка доносилось ровное, почти механическое дыхание — этот человек умел спать так же сосредоточенно, как и воевал, всегда готовый вскочить по первому сигналу тревоги. В крыле Маттео было тихо.

Я направилась на кухню.

Желудок сжался от спазма тошноты, но внутри появилось то самое пустое, звенящее чувство голода, которое бывает после сильного стресса. Нам всем нужно было поесть. Эйдану требовались силы на восстановление после ранения, а Маттео и Марку — энергия для предстоящей дороги в Суссекс.

Просторная кухня в стиле лофт встретила меня холодом металлической столешницы. Я подошла к огромному двухдверчатому холодильнику и открыла его. Внутри, как и следовало ожидать от холостяцкого убежища человека, который появляется здесь раз в год, царил почти абсолютный вакуум. Никаких изысков, никаких свежих овощей или зелени. На полках одиноко стояли упаковка молока, пару яиц, которые Маттео купил, наверное, совсем недавно, кусок твёрдого сыра, початая бутылка минеральной воды и несколько банок энергетиков. В морозильной камере обнаружились пакет с замороженной овощной смесью и несколько упаковок полуфабрикатов — бекон и готовое слоёное тесто.

— Ну что ж... — тихо пробормотала я себе под нос, сглатывая слюну. — Придётся сотворить чудо из ничего.

Я достала из шкафчиков сковороду, включила плиту и принялась за дело. Мои движения были механическими, отточенными годами самостоятельной жизни в Лондоне. Я аккуратно нарезала бекон тонкими полосками, бросила его на сухую раскалённую поверхность. Посуда мгновенно зашипела, и по кухне поплыл густой, насыщенный, аппетитный аромат жареного мяса.

Я добавила овощи, разбила в миску яйца, взбила их вилкой и залила шипящую массу, щедро посыпая сверху остатками сыра.

И вот в этот самый момент, когда я стояла у плиты, придерживая сковороду за ручку и наблюдая за тем, как поднимается пышный омлет, меня накрыло.

Это было не просто воспоминание. Это был удар молнии, расколовший моё сознание на куски.

Запах жареного бекона, смешанный с запахом раскалённого металла и утреннего кофе, в одну секунду перенёс меня на девять лет назад. В ту самую крошечную кухню нашей квартиры под Санкт-Петербургом.

Зимнее утро за окном было седым и морозным. На стеклах красовались причудливые ледяные узоры, которые рисовал сам Мороз. В комнате пахло свежемолотым зерном и маминими любимыми духами. Мама — живая, молодая, с сияющими голубыми глазами и русыми волосами, собранными в небрежный хвост — стояла у плиты в своём любимом жёлтом фартуке с ромашками. Она готовила завтрак перед моим днём рождения. Перед тем самым днём, когда весь наш мир полетел в тартарары.

« — Диана, солнышко моё, подойди сюда, — её мягкий, бархатный голос зазвучал прямо в моём ушах так отчётливо, что я невольно вздрогнула, ожидая почувствовать её прикосновение.

— Запомни, моя хорошая: еда, приготовленная с любовью, способна исцелить любую душевную рану. Даже когда вокруг бушует шторм, дом — это то место, где тебя любят просто за то, что ты есть...»

Воздух внезапно исчез из лёгких. Горло мгновенно обожгло резким, спазматическим комком. Колени подкосились. Я успела упереться обеими ладонями в край холодной металлической столешницы, потому что земля буквально уходила из-под ног.

Мама... Папа...

Где они сейчас? В какой безымянной могиле зарыты их тела? Знал ли кто-то, кроме нас, как они любили друг друга? Как папа чинил старые часы на кухне, а мама смеялась над его шутками?

Их убили. Безжалостно, хладнокровно, в грязной лондонской подворотне, из-за старых долгов, о которых я даже не подозревала.

Слезы хлынули из глаз с такой силой, что мир перед глазами превратился в размытое, кроваво-красное пятно. Я пыталась вдохнуть, но грудную клетку будто сковало стальными тисками. Каждая попытка сделать вдох отдавалась острой, раздирающей болью в рёбрах.

— Нет... нет, нет, нет... — зашептала я в истерике, опускаясь на колени прямо на холодный пол кухни.

Я обхватила голову руками, уткнувшись лицом в колени, и завывала. Это был даже не плач — это был животный, надрывный вой человека, у которого вырвали сердце и оставили гнить в одиночестве. Все эти дни я держалась. Я играла роль сильной, я терпела побег, перестрелку, кровь Эйдана, но сейчас плотина рухнула окончательно. Я осталась совсем одна.

Я судорожно вздохнула, прижав ладонь к губам, и изо всех сил зажмурилась, заставляя себя подавить эти слезы.

— Нет, Диана... не сейчас, — прошептала я сама себе, сжимая кулаки. — Держись. Ты должна быть сильной. Мальчикам нужна еда. Им нужна твоя поддержка.

Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, я заставила себя сосредоточиться на физических ощущениях: тепле от плиты, запахе бекона, текстуре деревянной лопатки в руке. Это помогло заземлиться. Я смахнула слезы рукавом кардигана и продолжила готовку.

К моменту, когда на столе стояло огромное блюдо с ароматным омлетом, тосты с сыром и свежезаваренный чай, дверь кухни тихо скрипнула.

— Диана?

Голос прозвучал из ниоткуда, но в то же время так близко, что заставил меня вздрогнуть всем телом.

Я повернулась, лицо всё ещё было слегка мокрым от слёз.

Возле кухонного острова стоял Эйдан. На нём не было рубашки — только тёмные спортивные штаны. Его левое плечо было аккуратно замотано свежими бинтами, которые слегка натянулись, когда он резко сорвался с кровати. Его босые ноги ступали по холодному полу бесшумно, как у дикого зверя.

В его карих глазах не было сонной мути. Там плескался такой чистый, дикий ужас вперемишку с яростью на весь мир, какого я никогда у него не видела. Он думал, что в дом снова ворвались. Он думал, что нас нашли.

Но когда он опустил на меня взгляд и увидел, стоящую на полу в луже собственных слёз, пытающуюся надеть маску спокойствия, все его боевые инстинкты мгновенно испарились, сменившись бездонной, всепоглощающей болью.

— Диана... — выдохнул он.

Он подошёл вплотную ко мне, совершенно забыв про свою зажившую рану. Его сильные, горячие руки подхватили меня, притягивая к себе.

— Всё хорошо, Эйдан, правда — забормотала я. — Не нужно так беспокоиться обо мне, ты ведь ранен.

Эйдан не отпускал меня. Он нежно гладил меня по спине, уткнувшись лицом в изгиб моей шеи.

— Диана, — шептал он хриплым голосом. — Не нужно всё держать в себе. Я здесь. Я никуда не уйду. Слышишь? Я рядом.

— Я... — всхлипнула, вцепляясь пальцами в его кожу на спине. — Мне и вправду лучше просто отвлечься. Если я буду постоянно плакать, толку от этого не будет. Да, мне до боли в груди обидно от гибели моих родителей. В глубине души я злюсь. Но это всё только тянет меня назад. А я не хочу этого...

От этих слов его тело качнулось, словно от удара под дых. Он зажмурился, подавляя свои собственные эмоции.

— Тогда... не отталкивай меня. Я прошу тебя, — его голос звучал как молитва, как страшное, неотвратимое признание. — Ты — единственное чистое, что осталось в моей гребаной жизни, Диана. Прости меня, прости за то, что мой мир коснулся тебя.

Он обнял меня так крепко, что мне стало трудно дышать, но этот удушающий захват был единственным спасательным кругом посреди океана горя. Я зарылась лицом в его плечо, впитывая его запах — запах табака, кожи и прохлады, смешанный с горьким привкусом моих слёз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.